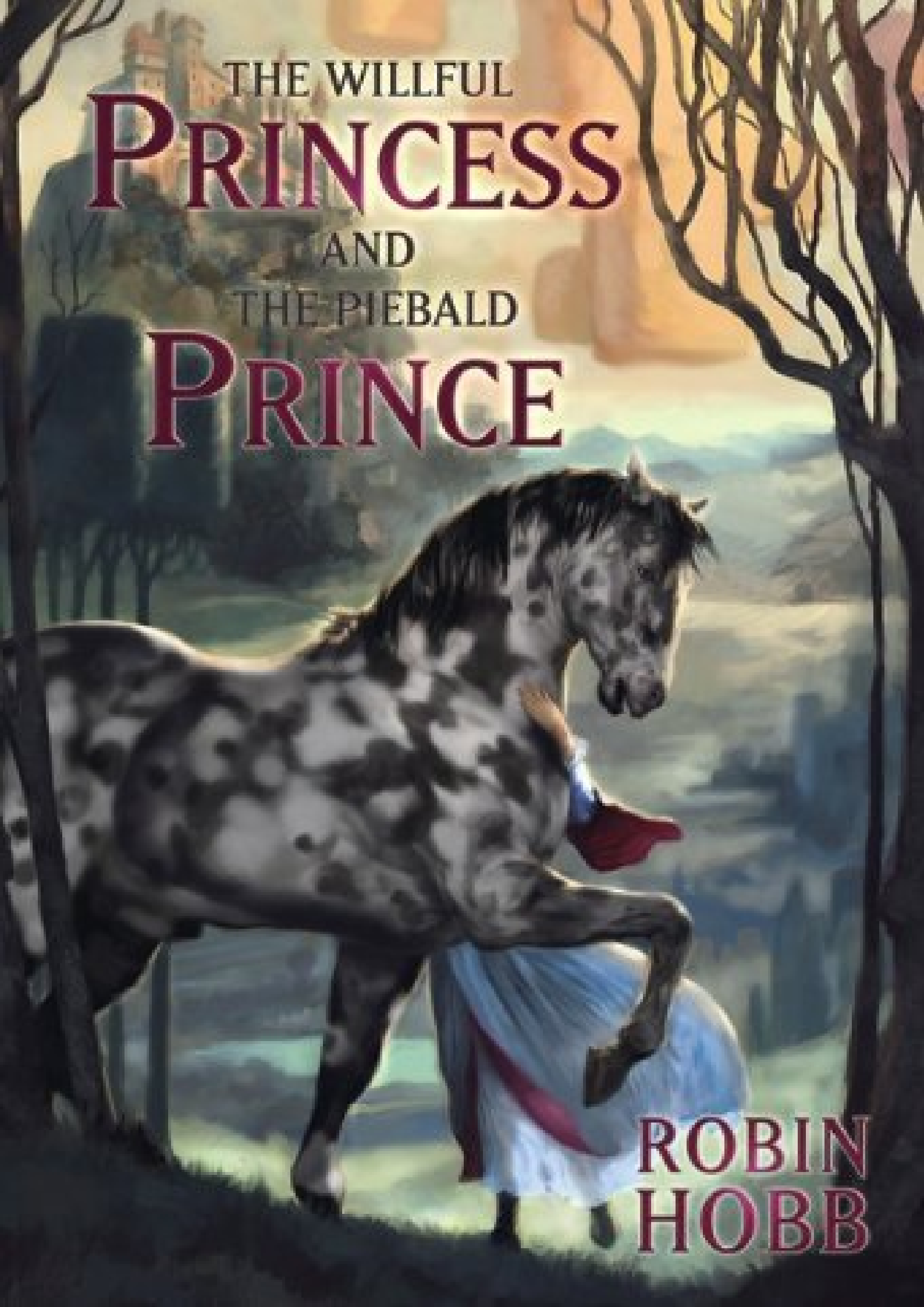
THE WILLFUL
PRINCESS
AND
THE PIEBALD
PRINCE
ROBIN
HOBB

Annotation

Одна из самых ужасных легенд мира Элдерлингов — рассказ о Пегом принце, претенденте на престол, обладавшем способностями к Уиту. Интриги дворян лишили его надежды получить трон, и в результате линия Видящих не прервалась. Эту историю расскажет Фелисити, компаньонка принцессы Каушен из Баккипа. Фелисити низкого происхождения, но она выросла вместе с принцессой. И когда принцесса, к тому моменту ставшая претендентом на корону, рожает бастарда, Фелисити оказывается единственным человеком, который пытается поддержать ребёнка. Принц растёт, и растёт его влияние, и в это время по столице начинают ползти слухи о том, что у него есть способности к Уиту.

- Робин Хобб
  - Часть первая
  - Часть вторая

Робин Хобб
Своевольная принцесса и Пегий Принц

Часть первая
Своевольная Принцесса

Я, Фелисити, пишу эти слова по просьбе Редбёрда. Он был грамотным человеком и мог сам этим заняться, если бы судьба дала ему немного времени, но, к сожалению, этого не произошло. Он доверился мне, настояв на соблюдении достоверности изложения и объективности, характерной для менестреля. Он просил писать ясно, чтобы эти строки можно было с легкостью прочесть спустя год или же через много лет. Также он велел мне описать детали, которые могла знать лишь я, чтобы никто не счел написанное фантазиями менестреля, выдуманными с целью сделать рассказ привлекательнее.

Поэтому я напишу этот текст в двух экземплярах, как он записывал свои песни, и вложу их в два свитка. Один я спрячу в месте, о котором будет известно только мне, а другой оставлю там, где по мнению Редбёрда, он тайно пролежит столько, сколько потребуется: в библиотеке Баккипа. Таким образом, истина будет скрыта дни, недели, месяцы, а то и века, но все равно всплывет рано или поздно.

Этот рассказ в большей степени является историей Редбёрда, но в качестве предисловия я добавлю свою историю, о которой Редбреду известно не все. Ведь только когда наши рассказы соединяются воедино, можно осознать их значимость.

Редбёрд был менестрелем и "певцом-правды", связанный клятвой, данной королю, исполнять только правдивые песни об историях из архивов замка. Сказки о драконах, гномах и юных девушках, погруженных в вековые сны, были не для него. В его обязанности входили наблюдение, запись и свидетельство только лишь тому, что он видел точно и ясно.

Я буду чтить его клятву и кодекс певца, поэтому в моих словах вы найдете только правду. А если вы не сможете осознать и принять ее, по крайней мере она останется там, где кто-то сможет ее найти и узнать, какая кровь на самом деле течет в династии Видящих.

Я оказалась вовлечена в эту историю с самого раннего детства. Мы с матерью присутствовали в день наречения именем принцессы

Каушен. Королева Кэйпэбл была очаровательна в своем великолепном зелено-белом платье, которое подчеркивало её глаза и черные волосы. Король Вириль облачился в традиционный синий наряд Бакка, а юная принцесса была, как принято на церемонии, раздета. Ей в тот день минуло шесть недель. Маленькая принцесса Каушен была здоровенькой девочкой с короткими волосами, темными и вьющемся.

Моя мать, её кормилица, с обильно украшенным вышивкой покрывалом и мягким одеялом в руках ждала девочку по окончании церемонии. Я стояла с ней рядом, наряженная как никогда прежде, и на всякий случай держала несколько перчаток. Мне не было дела до обрядов и церемоний. Будучи трехлетним ребенком, я интересовалась лишь тем, что сделают с малышкой. Мне сказали, что сначала её должны пронести сквозь огонь, затем окунуть в воду и наконец погрузить в землю, чтобы наречь именем и удостовериться, что она достойна его. Когда пламя разгорелось, и королева поднесла к нему дочь, я затаила дыхание, разрываясь между страхом и восторгом.

Но девочку всего лишь пару раз окутало дымом. Возможно, огонь слегка лизнул маленькую розовую ножку, однако принцесса ничуть не возмутилась. А я воскликнула:

— Но она же не прошла сквозь огонь!

Мама коснулась моего плеча.

— Тише, Фелисити! — строго сказала она вполголоса и больно щипнула меня.

Я сжала зубы и замолкла. В свои три года я прекрасно понимала, что будет, если я ее ослушаюсь. Молча я наблюдала, как королева едва окунула дочку в воду, как на ее спинку, не затрагивая ни головы, ни лица, насыпали меньше садовой лопатки земли. Маленькая принцесса казалась удивленной, но не заплакала, когда королева протянула её отцу. Вириль приподнял дочь на вытянутых руках, и дворянство Шести Герцогств склонилось перед наследницей Видящих. Когда отец опустил ее, Каушен раскричалась, и он вручил ее обратно королеве, а та — моей матери.

Я больше ничего не помню из событий того дня, кроме разговора нескольких герцогов:

— Принцесса слишком мало пробыла под водой, даже пузырьки воздуха на коже не полопались. Она не достойна своего имени.

Одна женщина кивнула.

— Я вас уверяю, Беарнс, у её родителей не хватит сил, чтобы воспитать ее должным образом.

Моя мать кормила меня до самого рождения принцессы Каушен Видящей. Она собиралась перестать кормить грудью, когда мне исполнилось два года, но узнав, что королева Кэйпэбл ждёт ребенка, продолжила кормить меня, чтобы сохранить молоко для королевского наследника. Моя бабушка была кормилицей королевы Кэйпэбл, которая дала клятву, что однажды её дочь также будет служить правящей семье. Нам повезло, что королева Кэйпэбл вышла замуж за короля Вириля. Она могла забыть обещание своей матери, но моя бабушка и её дочь не забыли… Уже много поколений женщины нашей семьи прекрасно удовлетворяли потребности королевских отпрысков. Мы не богаты и не принадлежим к высшему сословию, но множество знатных детей выросло на нашем молоке.

Пока мать вскармливала принцессу Каушен, я жила при дворе Баккипа и училась прислуживать. По началу мои обязанности были совсем простыми: найти теплые перчатки, принести чистый нагрудник, отправить корзинку грязных вещей в стирку. Но я взрослела и все больше превращалась в служанку принцессы, чем в помощницу своей матери. Именно я придерживала принцессу, когда она сделала свои первые шаги, я переводила для всех её лепет и помогала ей всем, чем может помочь старшая сестра младшей. Я отыскивала игрушки по ее просьбе и отдавала ей часть своего ужина, если она не наедалась. Моя мать частенько нашептывала мне:

— Служи ей во всем, ибо если ты принадлежишь ей, то и она будет тебе принадлежать. Тогда возможно твое существование будет проще, чем мое.

Таким образом, уже с ранних лет, я жертвовала своими интересами ради интересов принцессы. Я утешала ее, утихомиривала и баловала, как только могла. Она настаивала даже на том, чтобы именно я нарезала ей мясо и завязывала ботинки. Моя кровать располагалась рядом с кроватью матери в комнате по соседству со спальней принцессы. Когда она плохо спала, ей снились кошмары или нападала лихорадка, то я часто ложилась рядом с ней, и мое присутствие её успокаивало. Неприметная, я словно была ее частью, как маленькая зеленая куртка или ночная рубашка с белым кружевом.

Королева Кэйпэбл любила ее, но уделяла принцессе слишком мало внимания. Она обожала дочь в минуты нежности и спокойствия, но быстро отдавала ее моей матери, едва только Каушен пачкалась, начинала капризничать или плакать. Это целиком и полностью устраивало мою мать, и я не могла не замечать того, как это выгодно для нас, поэтому во всем подражала ее поведению с юной принцессой.

Каушен не была болезненной девочкой, но и не могла похвастаться отменным здоровьем. И, даже научившись есть самостоятельно, она ела очень плохо. Не отказывалась она только от грудного молока моей матери, и возможно поэтому её продолжали кормить грудью еще довольно долго. Но настоящей причиной все же было то, что ей вообще никогда ни в чем не отказывали. При первом же намеке на слезы все правила и запреты пересматривались, чтобы угодить ей. Принцессе исполнилось четыре года, когда она наконец перестала пить грудное молоко, но исключительно потому, что моя мать подхватила летнюю лихорадку, и молоко пропало. Более знатные дамы давно ждали возможности позаботиться о юной принцессе вместо нас, поэтому когда моя мать заболела, они быстро заняли наше место.

Мы вернулись в наш дом посреди каменистых полей, и все показалось мне странным. Я росла в Баккипе и едва его помнила. Отца и брата я тоже знала недостаточно хорошо, чтобы мне было с ними комфортно, а у них было слишком много дел на ферме, чтобы уделять мне внимание. Мама постаралась снова забеременеть, чтобы опять стать кормилицей. Это было её работой, и она хотела заниматься ею так долго, как только сможет.

Я не была не очень-то счастлива: наш дом казался тесным, а жизнь трудной и провинциальной по сравнению с роскошью Баккипа. На твердом полу не было ковров, никакие гобелены не мешали ветру продувать стены чердака, на котором я спала, насквозь. День тянулся за днем, а моя порция была меньше чем когда-либо. Однако, когда три дня спустя прибыл посланник, чтобы вернуть меня в Баккип, мне совсем не хотелось ехать с ним. Я была рада узнать, что принцесса Каушен скучает по мне, что ей не нужны новые партнерши для игр и что после моего отъезда она каждую ночь злилась и плакала. Она требовала, чтобы меня вернули, и сама королева послала за мной. Но за всю свою жизнь я почти никогда не покидала мать, и мне этого очень не хотелось.

Однако, несмотря на то, что мне было всего 7 лет, моя мать заявила, что я буду только рада вернуться в замок. Она отвела меня в чердак, чтобы подготовить вещи и собрать меня в дорогу, и там отвесила мне сильного шлепка. Пока я рыдала, а она складывала мои вещи в сумку, мать дала мне самый мудрый и странный совет, какой только можно дать маленькой девочке:

— Ты плачешь, хотя стоило бы радоваться. Это твой шанс, Фелисити, возможно первый и последний в жизни. Если ты останешься здесь, тебе придется рано выйти замуж, часто рожать и кормить чужих детей до тех пор, пока твоя грудь не обвиснет, а спина не начнет беспрестанно болеть. Но если ты отправишься в замок, у тебя будет возможность стать наперсницей и подругой принцессы несмотря на твое происхождение. Льсти ей столько, сколько сможешь, всегда поддерживай ее, проси за нее. Ты умная: учись вместе с ней, первой забирай себе её старую одежду, стань незаменимой, делай ради нее все то, что другие станут презирать. Если ты последуешь моему совету, дочь моя, кто знает какое богатство и какое будущее тебя ждет? Ну же, вытирай слезы. Надеюсь ты будешь помнить мои слова даже тогда, когда забудешь обо мне. Я буду приезжать к тебе так часто, как только смогу, но пока помни: я отправляю тебя туда потому, что люблю. Иди ко мне и поцелуй меня, ведь мне будет так тебя не хватать, моя дорогая девочка.

Вот так, с шлепком, советом и поцелуем, я спустилась за ней с чердака. Посланник привел для меня пони. Тогда я впервые ехала верхом, и с тех пор мое недоверие к лошадям только выросло.

На следующий день я уже прибыла в Баккип, поселилась в маленькой комнате служанки принцессы и снова стала частью жизни Каушен. Этим вечером сама королева сидела в ногах принцессы, пока я пела ей колыбельные и убаюкивала ее. За это королева наградила меня улыбкой и погладила по голове, а новая королевская кормилица, которой пришлось выехать из смежной комнаты, бросила на меня злобный взгляд. Тогда я впервые ощутила враждебность других служанок, но это было только начало.

Домой я так и не вернулась, но родители не забыли обо мне. Спустя некоторое время моя мать вернулась во дворец в роли кормилицы — многие благородные дамы нуждались в ее услугах и опыте, — и мы старались видеться как можно чаще. Она

подсказывала, как нужно ухаживать за принцессой, и давала много мудрых советах. Когда я благодарила ее, она отвечала:

— Придёт день, и я больше не смогу выкармливать детей, зарабатывая себе на жизнь. Когда это случится, надеюсь, ты вспомнишь о том, что я ради тебя сделала. И я обещала не забывать.

«Мало кто мог сравниться красотой с маленькой принцессой, а уж характером и подавно. Она была так упряма, что никто не пожелал бы подобного своему ребенку». Так менестрели описывали Каушен, но было бы несправедливо винить в этом ее саму. Каушен была принцессой, а её мать королевой. Она была единственным отпрыском королевской ветви, единственным зеленым ростком на ней, и все ей во всём потакали. Хоть я и была любимицей Каушен, я не могла ухаживать за ней в одиночку. Няня терпеливо сносила все выходки Каушен: та разбивала тарелки и кричала от злости почти каждый день. Но когда принцессе строго наказывали сидеть в своей комнате, где она вопила во все горло и колотила ногами в дверь, я была с ней рядом, успокаивала и утешала ее. Понимала ли я тогда, что этим самым я подпитывала ее упрямый характер? Вряд ли я сознавала это, но чувствовала, что могу быть для нее незаменимой. В качестве оправдания могу сказать лишь одно: я считала, что принцесса принадлежит мне больше, чем кому бы то ни было. Я не выносила, когда ее заставляли что-то делать или принуждали к чему-либо. Я любила ее: она была моим ребенком, моей сестрой, моим будущем. Поэтому мне кажется, что в какой-то степени именно я была ответственна за её несносный характер.

Поначалу Каушен упрямилась по мелочам. Она хотела носить лишь желтую юбку — не зеленую, не красную и не синюю с белыми оборками. Только желтую, даже испачканную или порванную. И не соглашалась надевать другую, даже схожего цвета, даже сшитую той же портнихой: лишь ту единственную желтую юбку она хотела носить. Прачка и портниха трудились ночами, чтобы к утру юбка выглядела прилично. Каждый вечер я относила ее в прачечную, а утром просыпалась пораньше, чтобы забрать и вручить принцессе чистую и свежевыглаженную юбку. Я старалась делать это сама, используя любую возможность быть ответственной за то хорошее, что происходило с принцессой.

Тем временем Каушен росла, и ее присутствие во время официальных приемов становилось все более необходимым. Именно

я завязывала ей ботинки, взбивала юбки, поправляла ее черные волосы, а после приемов успокаивала уставшего и капризного ребенка и укладывала в постель.

Подрастая, принцесса Каушен стала проявлять характер и в более важных вопросах. Перестав носить исключительно желтую юбку, она стала требовать множество изысканных и сложных нарядов. Но отказывалась от говядины, свинины и птицы, стала есть лишь оленину: утром, днем и вечером, зимой и летом. Охотники добывали мясо любыми способами, а повар готовил для нее любимые блюда. Однажды отец, устав от ее капризов, решил продемонстрировать Каушен, какую работу проделывают ради ее блажи люди. Принцессе не было еще и десяти лет, когда он взял её на первую охоту. Я была в замешательстве, поскольку не любила лошадей и ездила на них без удовольствия. Но принцесса Каушен настояла на том, чтобы я тоже поехала, и я как всегда сдалась.

Если король надеялся припугнуть Каушен, то совершил ошибку. Она хорошо ездила на лошади и с легкостью держала общий темп. И дикая кровавая сцена травли загнанного оленя не привела ее в ужас — напротив, в течение нескольких следующих дней принцесса только об этом и говорила. Так что я, пропустив сие зрелище, могла с уверенностью сказать, будто присутствовала при нем.

В каком-то смысле король достиг своей цели: его дочь стала настоящей охотницей. Она расширила рацион, включив в него всю убиенную дичь. Поначалу она добывала себе фазанов и уток, а после, набравшись сил и опыта, оленину и даже кабана. Мы расставались с ней лишь на время охоты, и король очень радовался, что его дочь нашла себе интересы по вкусу. Несмотря на то, что охота отдаляла ее от меня, я не пыталась вмешиваться. Я с интересом слушала рассказы об ее подвигах, и мне кажется, что мои собственные неудачи на данном поприще несказанно радовали ее: ведь я была старше и обычно обгоняла ее во всем.

Тогда я поняла, как она выросла. С тех пор я никогда не забывала своего места. Присутствуя на уроках, я точила карандаши и перемешивала чернила, стараясь сделать вид, что не умею читать и считать так же хорошо, как она. Я училась по ночам, брала её свитки и возвращала еще до рассвета на то же место. Незаметно я получала знания по истории, дипломатии и поведению в обществе. Сидя на скамеечке у её ног, я слушала менестрелей, воспевающих

исторические события. Прислушивалась к королевским министрам, которые рассказывали о тревогах со стороны Чалседа и тонкостях торговли с Бингтауном. Не забывая о своем низком происхождении, я использовала полученные знания и навыки, чтобы без проблем лавировать при дворе. Принцессу окружали амбициозные молодые леди и подходящие молодые лорды. Будучи невзрачной от природы, я с легкостью избегала мужского внимания, чего нельзя было сказать о женском. Некоторые спутницы Каушен меня ненавидели и пытались всячески унижать. Другие, пытаясь добиться расположения принцессы, льстили мне и одаривали небольшими подарками. Не уверена, которые из них были опаснее.

Днем я казалась вежливой и скромной. Но вечером, расчесывая волосы принцессы и готовя ее одежду ко сну, я докладывала ей все сплетни, о которых слышала. Мы обсуждали молодую леди, подающую тайные знаки мужчине, который был обещан другой. Мы вместе смеялись над девочкой, изо рта которой несло чесноком, и над мальчишкой с бородавками на руках. Я была её наперсницей, внимала ей и никогда не критиковала. И если среди ее окружения кто-то бывал недобр ко мне, то Каушен вдруг узнавала о том, что этот человек нелестно отзывался по поводу её волос, платья или кожи. После такого Каушен заметно к нему охладевала, что было, на мой взгляд, весьма заслуженно.

В семнадцать лет, став взрослой, по традиции Шести Герцогств Каушен стала королевой в ожидании. С этого момента принцессу начинали готовить к правлению. Она должна была присутствовать во время судебных заседаний и по возможности участвовать в принятии решений. Она приветствовала иностранных послов и дипломатов, выезжала за пределы своего герцогства, чтобы народ мог узнать ее.

Несмотря на новый титул, Каушен не уделяла обязанностям наследницы должного внимания. Ее родители были здоровы, полны сил, давно правили королевством, и принцесса надеялась, что ей еще нескоро предстоит взойти на трон. Сейчас она была молода и хотела наслаждаться всем тем, что станет для нее недоступным в роли королевы.

Вскоре по двору поползли разговоры о том, что вместо того, чтобы учиться быть королевой, принцесса учится лишь развлекаться. Ей представили множество претендентов на ее руку и сердце, но Каушен всем отказала. При всех она вежливо извинялась, объясняя

свой отказ молодостью или желанием получше узнать человека, прежде чем выбирать его себе в мужья. Но вечером, пока я расчесывала ее волосы, она говорила все так, как есть. Один был слишком светлым, а другой чересчур темноволосым. Парень из Фарроу хихикал, как девушка, а кавалер из Тилта ревел, словно осел. Этот был слишком тощим — все равно что спать со щепкой для растопки котла, тот — слишком массивным, того и гляди задушит в объятьях.

— Чего же вы ждете от мужчины? — осмелилась спросить я. Укол зависти кольнул моё сердце, но я постаралась скрыть свои чувства. У меня не было шансов удачно выйти замуж, а семейная жизнь наверняка отдалит меня от Каушен. После свадьбы моя жизнь сведется к округляющемся животу и жизни кормилицы, вечно беременной или занимающейся чужими детьми. Мне уже давно пора было выбрать себе мужа, но я этого совсем не хотела. Медленно и осторожно я водила черепаховым гребнем по черным волосам будущей королевы, наслаждаясь каждым движением. В моих руках было все, что мне нужно, поскольку я любила ее всей душой.

Обдумав мой вопрос, она улыбнулась.

— Не жду ничего, пусть они все уберутся вон! Я сделаю выбор сама, когда придет время, и выберу того, кто будет мне нравиться, ведь что может быть важнее? Я стану королевой, Фелисити! Королевой. Я буду править и сама принимать решения. А как мне научиться этому, если мне даже мужа выбрать самостоятельно не дают? Тем более сейчас, пока у меня есть ты, мне совершенно не нужен никакой посторонний мужчина в постели." Она засмеялась и повернулась ко мне с улыбкой, а я улыбнулась ей в ответ.

Благодаря объяснениям матери я знала: будучи девственницами, молодые дамы не отказывали себе в получении удовольствии, поэтому давно и охотно помогала своей принцессе, что нравилось нам обеим. Но будущая королева, как оказалось, думала совсем о другом. Она наклонилась к зеркалу, и морщина прорезала её лоб. "Вот только я совсем не уверена, что захочу делиться властью», — сказала она.

— Но как же наследник престола Видящих? — осмелилась спросить я.

— Когда придет время, уверена, кандидатов будет вполне

достаточно, — небрежно произнесла она.

Я была удивлена, что она почти не задумывалась об этом. Конечно у нее были двоюродные братья, которые были прекрасно осведомлены, кто и в какой последовательности сможет унаследовать трон, если у Каушен не будет детей. Разумеется, герцоги будут требовать, чтобы королева в ожидании взяла супруга и дала жизнь наследнику. Но в данный момент я тайно радовалась тому, что она не хотела мужчину, потому что мне нравилось то, что было между нами.

Каушен исполнилось восемнадцать, потом и девятнадцать, но она так и не проявила желания выйти замуж. Её упрямство касалось уже не только ее личной жизни, но и распространялось на всех молодых женщин, которых она призывала жить свободно и вопреки тому, что могут сказать родители.

И, как поют менестрели, «король и королева всегда отвечали ей: конечно, милая Королева-в-Ожидании Каушен, так и будет», ведь они не могли ей отказать.

Я не опровергаю этого, но хочу лишь сказать, что Каушен была куда глубже, чем о ней говорят.

Накануне ее двадцатого дня рождения двор был крайне взволнован. Однако король Вириль и королева Кэйпэбл никого не желали слушать.

Ни герцога Берна, который предложил одного из своих сыновей, сказав, что "ребенка проще выносить будучи молодой и имея крепкую спину."

Ни герцогиню Фарроу, которая предложила одного из своих племянников, с заявлением, что «нужно удовлетворить страсть женщины прежде, чем она взойдет на престол, лучше будет править».

Ни герцога и герцогиню Тилта, которые предложили выбрать одного из их близнецов, сетуя, что престол имеет лишь одного наследника:

— Пускай она поскорее выйдет замуж и родит много детей, чтобы упрочить положение Видящих.

Ни герцога Шокса, у которого было шесть незамужних дочерей. Он изъявил желание, чтобы принцесса поскорее определялась с выбором.

— Тогда мужчины успокоятся и смогут обратить внимание на других девушек.

Лишь герцог и герцогиня Бакка хранили молчание. Герцогом Бакка был юный брат короля Стратеджи Видящий, и его имя отлично ему подходило. Герцогиня выжидала, внимательно следя за личной жизнью принцессы, и была убеждена, что если ее сыну Канни суждено надеть корону, он не станет жаловаться на ее тяжесть.

Я понимала все это и много раз пыталась обсудить с Каушен, но, несмотря на то, что мы обучались одинаково, она ничего подобного не замечала и считала, что я всего лишь сплетничаю. Я, та, что была ей ближе, чем сестра, и любила больше, чем все угодливые дамы. Она не прислушалась к моему совету поскорее выбрать супруга, чтобы не оказаться в ситуации, когда ее вовсе лишат возможности выбирать. И это огорчило меня, поскольку я думала, что она считает меня умнее.

Каушен продолжала быть невероятно упрямой, но я продолжала её любить.

Королева в ожидании не слушала никого ни в том, что касалось мужчин, ни в том, что касалось лошадей. Однажды летом в Баккип прибыл торговец из Чалседа. Он был слишком хитер, чтобы быть честным человеком, с повязкой на одном глазу и странной манерой говорить — словно змея шипит. Все побаивались его, и торговля шла плохо. Я видела это собственными глазами, поскольку прогуливалась по рынку по просьбе принцессы Каушен.

Среди прочих животных у этого торговца был пятнистый жеребец. Не благородной пятнистой масти, а с большими уродливыми пятнами, как на битых фруктах, плохо окрашенных одеялах или у коров. Огромный, черно-белый, один глаз его был синим, а другой черным и неподвижным. Зверь рвался с поводьев, бросал вызов прочим жеребцам и пытался обнюхать каждую проходящую мимо кобылу. Он всем очень мешал, и торговца предупреждали, что если он не успокоит своего коня, их выгонят с ярмарки. Но каждый раз, когда приходили стражники, они видели совершено спокойного пятнистого жеребца и молодого человека, держащего поводья, со странным выражением лица.

Он был неважно одет и выглядел как раб или слуга. Обычно он смотрел куда-то вниз, вел себя тихо и мог произнести лишь пару слов, с трудом выражая свои мысли. И только с конем он говорил

много, правда почти беззвучно, так что никто ничего не мог разобрать, а свирепое животное становилось с ним кротким, точно старая кобыла. Про него болтали разное, но никто не знал, что из этого было правдой. Говорили, что он никогда не ел мясо, зато вместе с конем жевал траву. Что его ногти были такими же плотными и коричневатыми, как копыта. По мнению других, его смех был похож на ржание, а когда он был зол, то рыл и топтал землю. Я могу абсолютно точно сказать, что большинство сплетен о нем были бессмысленны и лживы, служа лишь оправданием тому, что произошло дальше.

Когда я вернулась, то рассказала Каушен и про торговца, и про пятнистого жеребца, и про человека, ухаживающей за ним. Но уверяю вас, что совершенно не имела намерений вскружить ей всеми этими россказнями голову.

На третий ярморочный день королева в ожидании заявила о том, что не прочь прогуляться вдоль рядов и поглазеть на товары. Надо признать, она часто баловала себя подобными прогулками, хотя многие считали, что ей было бы куда полезнее сидеть рядом с отцом и учиться служить своему народу.

Так или иначе, в окружении нескольких дам она отправилась на рынок. Я терпеть не могла лошадей и прочий скот, но разумеется пошла с ними, готовая всегда прийти на помощь, сбегать за освежающим напитком или что-то в том же духе. Было жарко и пыльно. Я пугалась, когда в опасной близости от меня оказывались эти большие животные, но Каушен и ее спутниц это не беспокоило.

При этом они совершенно не собирались ничего покупать, остроумно высмеивая то одного, то другого торговца и его товары. Один, по их мнению, был больше похож на лошадь, чем на свою мать, а у другого живот так раздулся, что он казался более беременным, чем кобыла, которую он расхваливал. Юные дамы вовсю обменивались остротами, а принцесса и не думала упрекать их — наоборот, она громко смеялась, поощряя их поведение.

Наконец они добрались и до торговца из Чалседа. Пятнистый жеребец был в тот день спокоен — возле него стоял тот тихий парень. Когда Каушен и одна из сопровождающих ее леди подошли, он поднял взгляд и удивленно округлил глаза, словно раньше никогда не видел женщин. Несмотря на потрепанный вид, он был красив: мускулистый, высокий, черноволосый. Когда королева в ожидании

взглянула на него, он покраснел, словно невинная девушка. Затем опустился перед ней на одно колено и склонил голову так, что его темные волосы упали, точно грива, открыв странный затылок — бледный и пушистый.

— Стойте, — произнесла Каушен. — Меня здесь кое-что заинтересовало.

Одна леди, пытаясь казаться остроумной, ткнула пальцем в сторону жеребца и хихикнула:

— Так вот значит, что стало с тем старым дырявым одеялом, которое мы повсюду искали. Из него сделали лошадь!

Другая вмешалась:

— Да нет же, нет, это всего лишь оседланная корова!

— Это не одеяло и не корова, а сыр, покрытый плесенью, — перебила третья.

И все трое преувеличенно громко рассмеялись, пытаясь заслужить одобрение королевы в ожидании.

— Хватит молоть чушь, — неожиданно осадила их Каушен ледяным тоном. — Я никогда не видела никого более совершенного.

При этом она смотрела не столько на жеребца, сколько на стоящего рядом с ним мужчину. И сразу же заявила, что покупает животное. После свершения сделки она получила и коня, и молодого человека, хотя в Шести Герцогствах покупка и продажа людей были запрещены законом. Тем самым принцесса превратила раба из Чалседа в слугу, вольного человека.

Его имя было Лостлер. Говорили, что его звали Слай Хитрый, а в песнях даже Слай Уита, но я никогда не слышала, чтобы его кто-нибудь так называл. Дефект речи вынуждал его говорить тихо, он казался застенчивым, но при всем этом он был настоящим мужчиной, сильным и решительным, как и его конь.

К концу месяца главный конюший Баккипа явился к королеве в ожидании, умоляя ее избавиться от пятнистого жеребца. Тот не выносил ничьих прикосновений, кроме Лостлера, да и прочие жеребцы бесновались, чуя его запах, и лишь Лостлер мог их успокоить. Однажды этот зверь перепрыгнул через ограду и покрыл трех кобыл, хотя они предназначались для других жеребцов, и увести

его смог опять же только Лостлер.

— Избавьтесь от одного коня ради блага всей конюшни, — просил он.

Каушен выслушала его и ответила, что избавиться нужно не от одного коня, а от одного главного конюшего.

— По вашим словам, Лостлер делает всю вашу работу, так зачем вы нужны там? Пусть он займет ваше место.

Так и получилось. Король в очередной раз не стал с ней спорить и позволил ей сместить человека, которого сам же назначил на эту должность десять лет назад.

Сказать по правде, у Лостлера был дар. По крайней мере тогда это считалось даром. Он понимал язык животных и мог подчинить своей воле почти любого зверя. Этот вид магии называли Уитом, а человека, обладавшего им, причисляли к Древней Крови. В те времена обладание Уитом не считалось чем-то постыдным. Даже наоборот, многие считали, что это весьма полезная магия. И в самом деле, в течение последующего года конюшни Баккипа процветали: лошади и собаки стали гораздо послушнее, а большинство больных животных поправилось. Также народилось множество пятнистых жеребят.

Когда Королева в ожидании желала покататься верхом, Лостлер готовил для нее лошадь, держал стремя, чтобы она могла взобраться в седло, и ласково отвечал на ее вопросы. Она стала ездить верхом каждый день, хотя раньше ее не особенно развлекали подобные прогулки, если речь не шла об охоте. И хотя мне это не очень-то нравилось, я была вынуждена постоянно ее сопровождать.

Поэтому я не могла не замечать ее отношение к новому главному конюшему. Лостлер был застенчив и всегда краснел, стоило Каушен заговорить с ним. Но она обращалась с ним так нежно, словно он был лошадью, которую она успокаивала. И он слушал ее не двигаясь, опустив глаза. Поговаривали, что она имела над ним такую же власть, какую он имел над животными.

Вскоре она изъявила желание ездить верхом на пятнистом жеребце, хотя прекрасно знала его упрямый нрав.

— Только Лостлер может управиться с ним, — возражали придворные. — Мало кому захочется сопровождать вас, если вы

решите ездить на пятнистом коне.

— Пусть Лостлер меня и сопровождает, — ответила им Каушен. — Он сможет успокоить коня, если понадобится, а что касается остальных — мне совершенно все равно, поедут они со мной или нет.

Несмотря на неудовольствие короля и придворных, принцесса поступила именно так. При этом меня от прогулок никто не освобождал. Лостлер подобрал мне самую спокойную и мирную лошадь, так что иногда мне казалось, будто я сижу не в седле, а в мягком кресле. Каждый день, нагруженные корзинами с обедом, мы покидали Баккип быстрым галопом (это мне совершенно не нравилось), и хотя поначалу я плелась в хвосте, тем не менее я довольно быстро нагоняла их. Лошади к тому времени шли спокойным шагом, а Каушен и Лостлер беседовали.

Я постоянно наблюдала за ними и знала то, о чем многие лишь догадывались. Когда Каушен гладила коня, Лостлер вздрагивал от удовольствия. Сидя верхом на коне и обвивая его ногами, она словно обнимала не коня, а мужчину. Они оба были очарованы ею, а в Каушен постепенно просыпалась чувственность. Отдавая им все свое внимание, она забывала обо мне, что давалось мне очень нелегко.

Дни шли за днями, и Королева в ожидании гораздо больше интересовалась верховой ездой, чем будущим престолом. Тем не менее все молодые лорды продолжали ухаживать за ней, хотя это было непросто. Попробуйте ухаживать за леди, которая постоянно сидит верхом на лошади, а позади нее вечно маячит главный конюший, тихий и мрачный. К тому же Каушен, по всей видимости, доставляло удовольствие мучить своего застенчивого сопровождающего, заигрывая с поклонниками. Однако не все было так просто. Она проявляла к ним интерес, чтобы заставить его ревновать, и мне это было ясно как день.

Шел первый день наступающей осени, туман скрыл утро, а весь двор выехал на охоту. Будущая Королева сказала, что поедет на своем Пятнистом Жеребце. Она так и сделала, но в тот день воля короля взяла верх в другом вопросе, и мастеру конюшен Лостлеру было велено остаться в конюшнях. На охоте должен был присутствовать молодой человек, которому благоволил король, и король однозначно дал понять своей своевольной дочери в разговоре, не предназначенном для моих ушей, что он ожидает от нее внимания

к этому молодому человеку и его ухаживаниям. Это досадило Каушен, и она не преминула показать свое раздражение тем, что в разговорах с окружающими ограничивалась лишь короткими фразами и агрессивно правила лошадью. Очень скоро гончие взяли след и устремились в погоню, и все лошади и знать последовали за ними. Будущая Королева на своем капризном скакуне была в первых рядах наездников и вскоре вырвалась вперед. Пока длилась эта погоня, туман в долинах сгущался, и лай собак отражался от холмов до тех пор, пока никто не мог определенно сказать, откуда он раздавался. И в тянущихся саванах тумана наследная принцесса Каушен на Пятнистом Жеребце исчезла из виду.

Сегодня кто-то скажет, что воздух был пропитан магией в то утро, и что вскоре гончие потеряли след и вернулись, поскуливая, к своим псарям. Другие упомянут, что туман клубился только вокруг Будущей Королевы и ее скакуна, или что Пятнистый Жеребец намеренно понес ее в самую гущу тумана, чтобы скрыться от вельмож. Но я была там, и это был всего-навсего ужасно дождливый и туманный день. Моего бедного скакуна и меня в сутолоке кидало из стороны в сторону и вскоре в шуме и криках оставили позади. Я ожидала, что так будет, и, как только суматоха охоты отдалилась, я была счастлива повернуть лошадь назад и дать ей самой найти путь обратно в конюшню.

Несколько часов спустя, когда охотники с гончими и псарями, промокшие до нитки и подавленные, вернулись в Олений замок, наследной принцессы среди них не оказалось. Ее благородный ухажер не стал извиняться за ее отсутствие, просто сославшись на ее желание обогнать его, что и было сделано. Тогда разгневанный король приказал своим людям идти на поиски Каушен. Но прежде чем отправиться в путь, все увидели мастера конюшен Лостлера, скачущего прочь. Я слышала, что теперь некоторые менестрели говорят, будто он, стоя во дворе конюшен, провозгласил:

— Я найду ее быстрее всех, ибо где Пятнистый Жеребец — там и я, и даже в тумане наши сердца зовут друг друга». Утверждается, что он самолично признался во владении магией Зверя, хотя в те времена в обладании ею не было позора или опасности. Но я была там, и он не произносил таких слов. Он никогда не привлекал внимания к себе или к своей заикающейся речи, поэтому никогда бы он не сделал такого публичного заявления.

И я прямо расскажу, о чем шумели раньше и что повторяют даже сейчас. Некоторые утверждают, что наследная принцесса вовсе никогда и не терялась, а ехала впереди своры в скрытую долину, потому как она и мастер конюшен договорились об этом еще задолго до охоты. Некоторые скажут, что, когда мастер конюшен поскакал за ней, туман расступился, чтобы показать ее, сидящую на Пятнистом Жеребце. Я слышала, как один менестрель пел о том, как туман окутал ее волосы, будто тысячью драгоценных камней, и рассказал, как розовы были ее щеки от холода. Он пел и том, что она плакала от радости, что ее нашли, и, когда Лостлер спешился, скользнула вниз со своей лошади в его объятья.

О да, слухи о них имели сотни версий, и то, что действительно произошло, поныне остается их секретом. Намеренно ли Каушен потерялась в туманной долине, зная, что Лостлер придет ее искать? Или Лостлер нашептал Пятнистому Жеребцу, чтобы тот унес ее в неизвестность и прятал до тех пор, пока он не сможет прийти и объявить о своем праве на нее? Некоторые скажут, что он нашептывал Будущей Корелеве Каушен так же, как лошадям и собакам в конюшнях, и, таким образом, зачаровал ее своим голосом, и она вряд ли осознавала, что делает. Другие скажут, что он взял ее силой, несмотря на ее благородное происхождение, потому как жеребец возьмет любую кобылу, какую пожелает. Третьи будут говорить, мол, нет, она не могла дождаться, чтобы задрать свои юбки и лечь под него. Многие толкуют, что это был первый раз для нее, но отнюдь не последний.

Так как я была к ней ближе, чем кто бы то ни было, и даже я не знаю всей правды о тех событиях, я уверена, что все слухи и кривотолки всего лишь простые инсинуации, какие-то из них — скорее результат зависти и ненависти, чем радения за правду.

Но вот все, что известно — правдиво. Когда солнце покидало небосклон, они вернулись домой, и на юбках Каушен была грязь и веточки в волосах. Она сказала, что упала с лошади, и ей потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя даже после того, как Лостлер ее нашел, и еще больше времени — чтобы найти дорогу домой в тумане и сгущающемся мраке.

Однако я отметила, что она не пострадала от падения, несмотря на грязь на юбках. И что она была в лучшем расположении духа, каком я ее когда-либо видела, напевая в ванной, ложась спать рано и

забываясь глубоким и крепким сном.

С этого дня все заметили перемену в наследной принцессе. На щеках горел румянец, рано утром она выезжала верхом в сопровождении лишь мастера конюшен, исполнявшего при ней свои обязанности, и меня, трусившей рядом. Гнев короля по этому поводу был для нее ничем. Как всегда, они начинали свою прогулку вдохновленным галопом так, что моя лошадь и не надеялась угнаться за ними. В те дни я не пересекалась с ними вновь так же легко, как случилось пересечься однажды. Зачастую я не видела их, пока они не возвращались за мной. Тогда Будущая Королева Каушен сияла румянцем, смеялась над моими тревогами и говорила, что на следующий день они должны посадить меня на более быстрого жеребца.

Но никогда не сажали.

Было утро, когда они оторвались нарочно, оставляя меня позади на моей спокойной лошадке, в то время как сами исчезли из вида. У меня не было шанса ни определить, куда они поехали, ни вернуться в замок, не вызывая вопросов, куда подевалась моя госпожа. День становился все жарче, пока я слонялась вокруг, и в поисках спасения от солнца я свернула с тракта и поехала к выступу маленькой лощины, затененной буковыми деревьями. Каушен вновь не оправдала своего имени, так как в своей жажде она и мастер конюшен уехали недалеко. Дерн был глубок, и эти двое были слишком заняты друг другом, чтобы заметить, как я остановила лошадь и уставилась на них. Ее отброшенное прочь платье было подобно увядшему цветку на травянистом дерне. Она была такой бледной, луноликой женщиной, раскинувшейся на его полночно-синем плаще; откинувшей голову в наслаждении. Она вздрагивала от каждого его толчка; его глаза были закрыты, и зубы белели на загорелом лице. Неподалёку паслась, не обращая на них никакого внимания, ее кобыла. Но Пятнистый Жеребец смотрел на них так жадно, что даже не заметил меня и моей лошади. Когда Лостлер упал на нее, склонив голову, она обхватила ладонями его лицо, чтобы приблизить его губы к своим и поцеловать так страстно, что я даже не сомневалась в ее любви к нему.

Снедаемая холодной тревогой, я развернула лошадь и тихо удалилась. То, что я увидела, задело меня. Потому как я любила наследную принцессу Каушен и не желала ей вреда или того, чтобы

она была впутана в скандал. Разве я не вырастила ее ценой собственного детства? Разве я не была на ее стороне, прикрывая от наказания и почти всегда выдавая ее проступки за свои собственные? Не я ли предложила ей свое тело для ее удовольствия, чтобы помочь сохранить девственность для брачного ложа? Если бы я так же предложила ей свое сердце, то сделала бы это, не колеблясь, зная, что она никогда не сможет отплатить мне тем же. Я всегда принимала тот факт, что в наших отношениях я должна любить ее больше, чем она меня, так как я была простой служанкой, а она была Видящей и однажды стала бы королевой Шести Герцогств.

Но она выбрала именно его. Она любила мастера конюшен, человека, рожденного рабом и калсидийцем, даже не честным Баковским слугой, такой, как я. Этому простому человеку она отдала свое сердце и тело, о которых я заботилась и которые берегла с самого ее появления на свет. Другая на моем месте могла бы ревновать, но я пишу правду, чистоту которой Редбёрд заклял меня блюсти: я чувствовала только страх перед тем, что может предстоять моей любимой.

И, да, я также боялась за себя. Я знала, что если известное мне раскроется, я паду точно так же, как и принцесса, так как хоть никто никогда и не назначал меня ее компаньонкой, я знала, что как раз этого от меня и ждали.

Как только я уверилась в этом, то сразу же побежала к своей матушке за советом, так как она служила при дворе в то время нянькой двух близняшек Леди Эверлон. Всегда занятая, она все же нашла для меня время и место, где я могла бы поделиться своими скандальными вестями и страхом.

Когда я рассказала ей о своем горе, моя матушка покачала головой.

— Ты должна держать их порознь, — посоветовала она мне, и когда я сказала, что не смогу, она нахмурилась. — Тогда ты должна быть готова. Я расскажу тебе о травах, которые ты сможешь подмешать ей в питье и которые сделают рождение ребенка менее вероятным, но полностью уверенной тоже быть нельзя. Рано или поздно, если она водится с мужчиной, она забеременеет. И если это случится, то перед тобой откроется единственно возможный путь. Ты исполнишь свой долг.

— Но никакой мужчина не пожелает жениться на мне! — запротестовала я, но моя матушка покачала головой.

— Запомни то, что наследная принцесса уже знает. Тебе не надо быть замужем, чтобы лечь с мужчиной. Тебе даже не надо владеть его сердцем. При дворе есть множество менестрелей, и каждому известно, что менестрель ляжет с любой женщиной на час и потом на следующий день сыграет о ней грустную песню. Итак, выбери кого-нибудь и подготовь его, чтобы, когда бы тебе ни понадобились его услуги, он захотел бы их оказать.

— Но почему? — спросила я. — Какая мне выгода оказаться с ребенком?

— Просто сделай, как я сказала, и все со временем станет на свои места, — сказала она мне. Потом она меня выставила из своей комнаты, потому как вернулась Леди Эверлон.

Итак, я ушла с решимостью, что последую ее совету, хотя и не видела в нем мудрости.

По мере того, как зима вступала в свои права, наследная принцесса уже не вставала с кровати так же стремительно, как раньше. Она воротила нос от еды, и теперь от парфюмов, которые она раньше так любила, ей становилось плохо. Она перестала спускаться на прогулки верхом. Думаю, я догадалась даже раньше, чем у нее самой возникли подозрения. Я поторопилась к своей матушке и подмешала в утренний чай Каушен травы, данные мне матерью для того, чтобы спровоцировать выкидыш. В течение следующей недели наследной принцессе было настолько плохо, что я была уверена — ребенка больше нет, и лишь тревожилась, что заставила мою дорогую Каушен слишком сильно страдать. Она медленно поправлялась, и я посмела было надеяться, но когда одевала ее, когда укладывала ей волосы и когда почувствовала запах ее кожи, лежа рядом с ней ночью, я поняла, что ошиблась. Ребенок был все еще в ней, и я больше не посмела беспокоить его вновь.

Ее фрейлины начали шептаться, и по мере того, как шли дни, Каушен становилось плохо при виде еды, и она спала днями напролет, шепот перерос в рев. Все мои усилия сохранить ее в безопасности провалились. Будущая Королева была беременна, и вскоре симптомы стали настолько очевидны, что скрывать их было уже невозможно. Пришел день, когда ее мать вызвала ее на частную

аудиенцию, и когда она вернулась молчаливая и посеревшая лицом, я поняла, что ее мать узнала правду о положении Каушен от нее самой.

Некоторые говорят, что это известие принесло столь большое горе ее матери, что та слегла и умерла. Эта правда для меня закрыта, но еще до окончания зимы королева Кейпбл лежала в могиле. Это удвоило горе Короля Вирэла. Он упрекал дочь, но Каушен не раскаивалась. Много благородных мужей сваталось к ней, некоторые из них даже предлагали оставить при ней ее нерожденного ребенка. Она отказала им всем. Как и не назвала имени отца ребенка, и когда двор спрашивал ее:

— Чей же ребенок растет в Вашем животе? — она смеялась почти бессмысленно и отвечала:

— Очевидно же, что ребенок мой. Не видите, он растет внутри меня?

Тогда знать герцогств так же подошла к ней, герцоги и герцогини, все, со словами: — Это правда, что Вы наша Будущая Королева, но Вы еще не наша королева. Ваш отец до сих пор сидит на троне, и, назови он другого наследника вместо Вас, возможно, нам следует прислушаться к его словам».

Она смотрела на каждого из них и с улыбкой отвечала:

— Мой отец знает, что я его дочь. И любое дитя, растущее в моем чреве, — его внук и полноправный наследник. Он знает это. Если вы сомневаетесь в этом, то оскорбляете память моей матери. Придите к моему отцу со своими мыслями и увидите, как это понравится ему. Этими словами она превратила их сомнения в оскорбление ее матери и знала, что ее отец так их никогда и не услышит.

И все же, несмотря на ее легкомыслие на публике, я знала, что ночью, когда она думала, что я сплю, она плакала и кляла себя за содеянное. Слишком поздно она поняла, что значит следовать своему имени, и хоть мастер конюшен ежедневно приводил оседланного и взнузданного Пятнистого Жеребца во двор, она не спускалась к нему, даже не подходила к окну, чтобы сообщить о своем решении отпустить его на сегодня. И так каждый день он ждал, час или два, и потом вместе с лошадьми возвращался в конюшни. Иногда я мельком выглядывала в окно и видела его, спокойно стоящего, держащего скакунов под уздцы и смотрящего прямо вперед.

Со мной одной Каушен делилась своими горестями. Она очень остро переживала потерю своей матери, даже если они и не были близки с тех пор, как она была маленькой. Ее мать всегда умела усмирить гнев отца, и когда он начинал воспитывать дочь строже обычного, ее мать всегда вмешивалась. Темные глаза Короля Вирэла теперь были полны боли, когда тот смотрел на дочь, и казалось, что эти двое избегают друг друга вместо того, чтобы сблизиться на фоне общего горя. Так Каушен почувствовала, что потеряла и отца. С того момента, как стало известно о ее положении, Вирэл обратился к младшей сестре своей жены с просьбой присмотреть за его дочерью и проконтролировать ее поведение.

Леди Хоуп была такой же вредной, как тявкающая собачка, и полностью подходила моей госпоже с учетом изобретательности последней. Эта суровая компаньонка всегда была в нескольких шагах от нее, жестко ограничивая круг ее занятий лишь теми, которые она считала подходящими. Она могла вышивать, или гулять со своими фрейлинами в саду, или слушать музыку. На езду верхом не было и надежды, даже если бы она чувствовала себя достаточно хорошо для этого. Вечерами ключ в замке наших комнат поворачивался, и двое охранников вставали рядом с дверью так, что даже бумажный лист не смог бы проскользнуть под дверью.

Итак, она тосковала по своему любовнику так же, как страдала от ранних симптомов своей беременности. Мне было любопытно, сообщила ли она Лостлеру, что носит его дитя. Она всегда была в пределах моего поля зрения с момента моей неудавшейся попытки с травами, и передача ему секретной записки была бы бесполезной из-за его неграмотности. Хотя он определенно услышал бы о ее позоре. Я надеялась, что у него хватит ума не пытаться связаться с ней, потому как это выдало бы ее, и никому из нас не пошло бы на пользу.

Почему больше никто не выявил очевидной связи, почему ее отец не прогнал мужчину или не приказал отвесить ему плетей, я не понимала. Возможно, связь принцессы с мастером конюшен была слишком позорна, чтобы ее можно было представить. Возможно, те, кто мог что-то заподозрить, не обвинили открыто Лостлера из-за страха усугубить позор наследной принцессы и попасть в немилость короля. Возможно, король внушил себе, что ребенок, пусть и незаконный, но благородных кровей, и что отец еще может выступить со своими притязаниями. Или, вероятно, смерть жены и позор дочери настолько лишили его мужества, что у него просто не

было решимости разобраться с этой проблемой. Каждый день меня укорял тот факт, что я не была с ней строже и позволила опуститься до такого.

Еще кое в чем я потерпела поражение. Я была дочерью своей матушки, но, кажется, мне не хватало ни ее терпения, ни плодовитости. Я трепетала и откладывала, понапрасну надеясь на то, что Каушен разорвет отношения с мастером конюшен до того, как его семя прорастет в ней. И потом я говорила себе, что мои травы избавят ее от ребенка. Хоть я и была первой, кто узнал о ее беременности, для меня было не только тяжело выбрать мужчину, который поможет мне осуществить мой план, но даже представить такое.

Наконец, в отчаянии, я остановила свой выбор на человеке, которого, как я думала, могла соблазнить. Купер Кузнец Песен был молодым воспитанником двора. Тогда он не был настолько привлекательным, каким стал впоследствии, так как ходил взъерошенным и был долговязым и не прожил еще достаточно лет, хотя даже тогда уже обладал голосом, который доводил женщин до обморока. Я не была искусной соблазнительницей, а он не был тем, кого обычно соблазняют. Таким образом, мы оба были в затрудненном положении, и, по крайней мере, я изображала пыл, которого на самом деле не чувствовала. Он не был опытным любовником, но меня это не заботило. Наши ласки были торопливы и коротки. Когда даже после этого мои месячные все же пошли в срок, я была в отчаянии.

И опять я искала совета у матушки. Она поджала губы и покачала головой на мою глупость.

— Что ж, что же еще можно делать, как не попытаться снова? Если Эда благоволит тебе, тогда у тебя может еще быть крепкий малыш, который родится рано, или, возможно, твоя госпожа будет долго носить. Но тебе лучше постараться и не быть слишком привередливой. Какой же простачке я дала жизнь, женщине, которая не может уговорить мужчину устроиться у нее между ног?

Ее слова жгли, но то был совет, необходимый мне. Уже до того, как взошла новая луна, я почувствовала утреннюю тошноту. Избавиться от Коппера не было проблемой: при намеке на то, что я могу носить его ребенка, его мастер выслал его в Герцогство Бернс на зиму, и я была рада больше не видеть его. Сначала я не сказала своей хозяйке, что я сделала. Когда ночи стали холоднее, и ее тревоги

овладевали ею, она все еще иногда звала меня к себе в постель, не для удовольствия, а чтобы опустить голову на плечо и мурлыкать о ее тайной любви и о том, как же сильно она по нему скучает.

Иногда она с жаждой говорила о своей утраченной возможности проехаться на Пятнистом Жеребце размашистым галопом и неторопливо вернуться обратно. Даже тогда она верила, что я не знала о том, кто был ее любовником. Она считала меня такой дурой! И так, не зная, как это меня задевает, она кормила меня намеками на него, на гладкость кожи на его спине, или мягкость губ, когда он ее целовал. Она рассказывала также про сотни разных планов ускользания от ее драконовской компаньонки для того, чтобы воссоединиться с возлюбленным. Ее планы были дикими и глупыми, и все же, когда она требовала согласиться помочь ей, что я могла сделать, как не пообещать ей эту помощь? Время от времени она пыталась реализовать свои планы, и время от времени мне удавалось уговорить ее отложить их выполнение. Она становилась все более нетерпеливой и недовольной мной, и я ежедневно боялась, что она попытается сбежать, и это станет катастрофой для всех нас. Ее стремление к нему задевало меня сильнее, чем она думала. И в ночь, когда она узнала о том, что я тоже носила под сердцем дитя, я вдруг осознала, как можно разорвать ее узы с калсидийским мастером конюшен и положить конец ее планам на побег.

Мы были вместе в постели, прижавшись друг к другу в поисках тепла. За оконными ставнями ее спальни неистовствовал снежный шторм. Ветер проникал сквозь щели, и пламя очага танцевало под его мелодию. Время от времени порыв был достаточно яростным для того, чтобы заставить колыхаться гобелены, покрывающие холодные каменные стены комнаты.

— Обними меня, Фелисити! Ночь так холодна, — прошептала она мне, и я была рада повиноваться. Но она отвернула свое лицо от моего, воскликнув: — Твое дыхание пахнет рвотой! Ты нездорова?

Я покачала головой и решила, что этой ночью открою свой секрет.

— Только если той же болезнью, что и Вы, моя госпожа. Ребенок, что растет внутри меня и досаждает моему животу.

— Ты? — Она в изумлении села, позволяя холодному воздуху проникнуть в нашу кровать. — Ты беременна? — Она громко

рассмеялась, но это был отнюдь не радостный смех. Ее недоверие обижало меня. — От кого? — спросила она с холодной улыбкой. — Какого же мальчишку или старика ты подстерегла на темном лестничном пролете?

Я не красавица, даже не симпатичная. Слова о том, что я обычная, являются добрыми по отношению к моей внешности. Я кривозубая и тощая, с лицом, покрытым следами от оспин. Я знаю, что кухарки называют меня «Поросячьи глазки». Поэтому я не могла объяснить, почему ее насмешка так сильно задела меня, хоть и раньше она никогда со мной так не говорила. Иногда я оглядываюсь назад, и мне становится интересно, не чувствовала ли она, что я предала ее? Не желала ли она тайно, чтобы мое сердце всегда принадлежало ей и только ей? Почему бы иначе ее слова обратились против меня?

Но я была обучена своей роли в ее мире на всю мою оставшуюся жизнь. Так что даже в тот момент с моих губ не слетело гневного ответа. Мой план спасти ее и себя тогда полностью оформился в моем сознании. Я просто улыбнулась, показав свои кривые зубы.

— Возможно, мастер конюшен не так зависим от внешнего вида, потому как он, казалось, не нашел меня настолько непривлекательной, чтобы не согреть его постель.

Тысячи, тысячи тысяч раз я пожелала бы не говорить этих слов. То были слова, окончившие мою жизнь. Моя госпожа покраснела, затем побелела настолько, что я уж подумала, она лишится чувств. И затем она с холодом прошептала:

— Иди прочь, Фелисити. Спи сегодня ночью в своей кровати. Или в его. Ты мне не нужна сейчас.

Она сказала «сейчас», но тон ее голоса говорил «больше никогда».

Я покинула ее кровать и пересекла холодную комнату, вошла в свою клетушку и заползла в остывшую постель. И пока я, неспособная заснуть, ютилась у себя остаток ночи, из ее комнаты не послышалось ни одного всхлипа. Лишь ужасающая тишина.

Утром я поднялась и вышла будить ее, но она уже встала и была полностью одета. Лицо ее было белым, глаза глубоко запали в темных кругах. Она никуда не выходила из своей комнаты в тот день, как и не сказала мне более десятка слов. Я приносила ей еду и

уносила нетронутой. Я была так благодарна ей уже лишь за то, что она совсем не прогнала меня. Мои попытки заговорить с ней оставались без ответа, она смотрела мимо меня, а не на меня. Боль от моей лжи глубоко отдалась во мне за то горе, которое она принесла ей. И все же не стану отрицать, что я почувствовала некоторое удовлетворение от того, что она может оборвать все связи с Лостлером из-за его предполагаемой измены, но ее любви ко мне, ее скромной и домашней служанке, было достаточно, чтобы не упрекнуть или не прогнать меня. Каждый раз, когда желание признаться ей охватывало меня, я подавляла его, думая: «Она переживет эту боль, но если я ей все расскажу, то буду единственной, кого она покинет. Я спасла ее от него, спасла от любого, кто мог бы узнать правду». Эти мысли помогли мне вынести боль от ее отчуждения.

Только моей матушке я призналась в своем поступке, и она не дала мне повода сомневаться в нем. Напротив, она тепло похвалила меня и прошептала, что не могла и надеяться, что я окажусь такой разумной. Она также дала срочные указания, что еще предстояло сделать, подчеркивая, что когда наследная принцесса почувствует предродовые схватки, я должна тут же найти ее и сообщить все ей. С этим я быстро согласилась. Помимо этого я должна была пустить слух среди прислуги о том, что Лостлер плохо обошелся со мной, бросив меня после того, как узнал, что у меня будет ребенок от него, но на это у меня не хватило смелости. Одной лжи определенно было достаточно, и даже тогда я уже подозревала, что последствия могут быть гораздо более серьезными, чем я думала.

Итак, я продолжила верно служить Каушен, даже несмотря на ее холодное отчуждение. Я делала вид, что думаю, будто то — результат ее беременности, и поэтому еще больше пеклась о ее удобствах.

С течением дней Каушен становилась все более тихой и бледной. Она была немногословна и подавлена. Она оставила все усилия извести свою компаньонку леди Хоуп, но в послушании своем была похожа на корову, сидя с нетронутым шитьем на коленях. Она не гуляла в садах, не спускалась в Большой Зал послушать музыку. Дух ее мрачной подавленности распространился и на двор. По ее приказу многим посетителям я дала от ворот поворот. Наконец, сам король, горе которого оставило отпечаток на его лице, пришел к ней. Его я не могла прогнать; вместо этого он отослал меня из ее комнаты, но я

скорчилась на полу у двери своей комнатки и приготовилась слушать.

Он не потчевал ее ласковыми словами утешения или ободрения. Наоборот, его слова были жесткими, мол, он знал, что теперь она осознает, насколько глупа была и какую роковую ошибка она совершила. Он признался, что будь она его сыном, народ отверг бы ее за подобное нарушение поведения. Но она — не сын, и ни один из них не может это изменить. Затем он поведал ей, что многие из его дворян приходили к нему с прошением лишить ее и ее нерожденного ребенка статуса наследников и вместо них возложить венец Будущего Короля на вороные вихры его племянника Канни Видящего. Я посмотрела в щелку и увидела ее вскинувшей голову при этих словах.

— И Вы бы это сделали, отец?

Он долго молчал. Затем спросил ее.

— Каково было бы твое решение, Каушен?

Она ничего не говорила так долго, что я и, возможно, ее отец подумали, что она ответит, что ее отречение будет к лучшему. Я боялась, что у нее не осталось решимости бороться за престол. Наконец она произнесла:

— Я столького лишилась. Моей матери больше нет; она уже никогда не станцует на моей свадьбе. Если я когда-нибудь выйду замуж, я не буду столь оберегаемой дочерью-девицей, счастье которой Вы надеялись устроить. Я разочаровала и опозорила Вас. Я разочаровала и опозорила себя, отдав свое сердце и тело человеку, который их не достоин. И я обманула дитя, растущее во мне; у малыша не будет отца, который бы защитил его, не будет имени, кроме моего, не будет будущего, кроме того, которое я смогу ему обеспечить. — Она глубоко вздохнула и, когда выдохнула, расправила плечи. — Отец, пожалуйста, не отбирайте у меня корону и будущее. Прошу Вас, позвольте показать Вам, что я могу быть достойной и того, и другого, и что я смогу вырастить дитя, которое заслуживает носить имя Видящих и корону Шести Герцогств.

Некоторое время король сидел в тишине, размышляя. Затем он медленно кивнул. После этого он не сказал ни слова, даже не попрощался, а просто поднялся и покинул комнату.

На следующий день, когда она встала, то позвала меня. Она говорила не мягко, но и не резко, просто приказала приготовить ванну с ароматом лаванды, выложить платья, которые могли бы все

еще хорошо на ней смотреться, несмотря на животик, и отобрать чулки и туфли на низком каблуке и лучшие украшения, но чтобы без оттенка девичества. Я поспешила исполнить все без единой жалобы на то, что она поручила мне объем работы, которую обычно выполняет для нее полдесятка служанок. Я чувствовала только счастье от того, что, кажется, она верит, что я смогу выполнить все, и хорошо, что она не позвала свою прислугу для этой работы.

Одетая и уложенная, она спустилась из своих комнат. Она ела в Большом Зале, где все могли ее увидеть и узнать, что она восстала из своего мрака. Она пала, но ее глаза пылали огнем гнева. Я все думала, кто же станет ее целью, но когда она оповестила о своем намерении созвать генеральное собрание всех герцогов, герцогинь и менее знатных особ, гостящих в то время в Баккипе, я более не задавалась вопросами. Она также распорядилась о присутствии четырех старших менестрелей для того, чтобы засвидетельствовать и впоследствии разнести вести по земле. Я знала, что у нее есть план, ибо, созывая подобное собрание, она присваивает право, принадлежащее ее отцу. Взывая к власти, которая в один прекрасный день будет принадлежать ей, она впервые вела себя так, как подобает наследной принцессе.

Когда все дворяне высшего сословия, а также менее знатные вельможи, присутствующие на тот момент в крепости, были собраны в тронном зале, она поднялась и провозгласила:

— Теперь я не нуждаюсь в короле или в ком бы то ни было, чтобы делить с ним постель, или трон, или даже зачать ребенка. Ибо все это я уже имею — постель, трон и наследника — и я никогда не разделю их ни с каким мужчиной. У вас не должно быть сомнений в отношении престола и короны Шести Герцогств. Я стану вашей королевой, и мое дитя будет править после меня. Я не выйду замуж, и у моего ребенка не будет соперника, чтобы оспорить его право на трон. Вам следует лишь взглянуть на меня, чтобы убедиться, что дитя будет благородных кровей, приняв от меня родословную Видящих и, тем самым, получив право управлять. Нельзя назвать никакого другого наследника, который мог бы принадлежать к нашему роду больше, чем мой ребенок. Итак, возрадуйтесь наследнику, которого я вам подарю. У меня нет нужды в муже, а у моего дитя — в отце.

Хоть эти яростные слова и были предназначены для ушей аристократии, она должна была знать, что последняя распространит

их по округе гораздо быстрее стен зала. Ее знать восприняла ее слова в том смысле, что отец ребенка был их сословия. Насколько я знаю, она ничего не сделала, чтобы их разубедить.

Думаю, вечерние звезды еще не успели появиться на небосклоне, как мастер конюшен Лостлер узнал, что она в нем больше не нуждается. Я считала, что, конечно, он найдет какой-то способ связаться с ней. Но либо он не искал, либо попытки его не имели успеха. Возможно, ее отказ от их свиданий, сопровождаемый подобным заявлением, убил любовь на корню. Или, быть может, он ее никогда и не любил. Возможно, он почувствовал облегчение, когда она не назвала его имени или не искала встречи с ним. Если то, что он с ней сделал, стало бы общеизвестно, для него был бы лишь один исход.

Я думаю, что Каушен ожидала от него какой-то реакции. В последующие дни она, казалось, была в нетерпении, будто ждала чего-то. А еще, выполняя порученную мне работу, я обнаруживала, что она пристально рассматривает меня, как бы измеряя мой живот или сравнивая мои формы со своими, чтобы понять причину его вожделения ко мне. И только потом, смотря с высоты прошедшего времени, я поняла, что она никогда не сомневалась во мне. Она никогда не задавала вопросов о моей предполагаемой связи с ее любовником, как никогда не спрашивала, как часто я с ним была или нашептывал ли он мне слова любви. Она мне верила. Она мне доверяла.

Тогда мне пришлось поверить, что она меня любила. Любила больше, чем его, потому как имела такую веру в мои слова. Мне кажется, она никогда даже не давала ему возможности доказать свою преданность ей. Мои поспешные слова вырезали его из ее сердца.

Дни сливались в недели, а те — в месяцы. Во время беременности время то ползет, то ускоряется. Я была более обеспокоена беременностью Будущей Королевы, чем своей собственной. Каушен не удалилась от придворной жизни, а, погрузилась в нее, но не настолько, чтобы танцевать, играть и слушать менестрелей, как когда-то. Вместо этого она начала прислушиваться к происходящему вокруг нее. Она обеспокоилась тем, откуда приходит снабжение для швей и прядильщиц, для поваров и воинов. Несколько раз она посещала палаты суда и слушала, как ее отец разрешает споры, но, главным образом, она

вовлекла себя в хозяйственную часть жизни Баккипа, и, я полагаю, это очень обрадовало ее отца.

Несколько раз я находила ее стоящей у окна и смотрящей вниз на двор с конюшнями позади. Лостлер, по обыкновению, ежедневно тренировал Пятнистого Жеребца. Подозреваю, что он получил огромную поддержку от своего животного друга, как могли обладающие Уитом. Она же ничего не могла сделать, кроме как смотреть, как он выводит большого жеребца. Однажды она увидела, что я наблюдаю за ней, и пожала плечами.

— Вряд ли животное стоит содержать, если я на нем больше не могу ездить. Надо продать его на следующей ярмарке; я читала, что смена жеребцов идет на пользу конюшням и сохраняет свежесть крови. — Я кивнула, но не думала, что у нее хватит решимости сделать это. Даже тогда я верила, что рано или поздно она спустится к возлюбленному, найдет способ перекинуться с ним парой слов, и мой обман может быть раскрыт. Я до ужаса боялась этого и все больше дорожила каждым моментом нашей с ней близости.

Весна сменила зиму, и малыши внутри нас заворочались и стали пинаться. Казалось, двор почти принял тот факт, что наследная принцесса с наследником одна. Все еще ходили и сплетни, и клевета, и слухи, но они не содержали в себе ее осуждения. Знаю, что ее отец был доволен ее более спокойной собранностью и вниманием к делам крепости и, возможно, знать тоже. По крайней мере, разговоров о том, чтобы сменить наследника, больше не возникало. Правда и в том, что никто из молодых благородных мужчин больше не ухаживал за ней, но, мне казалось, что более зрелые представители знати кидали на нее задумчивые взгляды, и я полагала, что после рождения ребенка она может обнаружить новую волну женихов под дверью, несмотря на данный обет безбрачия.

Последние месяцы она донашивала хорошо, потому как утренней дурноты больше не было. Она даже начала выходить на свежий воздух, хоть и в пределах замка. Она пила чай со своими фрейлинами, вновь посещала комнаты для шитья и вышивания и сидела по вечерам у камина вместе с дамами, слушая песни менестрелей.

Ярмарка для лошадей и крупного рогатого скота всегда проходила весной, так же было и в том году. Трудно было поверить, что прошло целых два года с того момента, как она увидела

Пятнистого Жеребца и его заикающегося грума, и все же это было так. О ярмарке простодушно напомнил ей один из ее знатных друзей, спросив, не прокатится ли та в карете, запряженной пони, взглянуть на событие, которое ее когда-то так радовало. Наследная принцесса, стоя у окна, приложив руку к животу, горько улыбнулась и ответила, что она слишком тяжела даже для такого короткого путешествия до ярмарки в карете. Одна из ее фрейлин решила блеснуть остроумием и спросила, не желает ли она поехать верхом на Пятнистом Жеребце. Я не была уверена, что услышала колкость, прикрытую вопросом, но подозревала, что не ошибаюсь. Я подняла глаза от вышивания и посмотрела прямо на нее, но все, что я увидела, — лишь сладкая улыбка фрейлины без единого намека на злобу.

Я заметила, как Каушен вздрогнула, когда услышала вопрос. Чтож, это был ответ. Смысл его задел. Неужели она посвятила эту фрейлину в свои секреты, которые не доверила даже мне? Или фрейлина дошла до всего своим умом? Ничто из этого не имело значения. Кто-то знал, или, по крайней мере, подозревал. В моем сердце поднялся холод, и дитя во чреве тяжело заворочалось. Моей госпоже угрожала опасность, которую я игнорировать не могла. Я была дурой, если не заметила этого раньше. Склонив голову к вышиванию, я сквозь ресницы осмотрела женщин, собравшихся в комнате. Некоторых в ее окружении я никогда ранее не видела.

Ну конечно же.

Любой посвященный в такой секрет, любой, кто задал прямой вопрос, может потом использовать это знание в качестве рычага для повышения социального статуса. Мне было больно видеть, что Каушен была загнана как олень, окруженный сворой гончих. Я поклялась себе, что сделаю все возможное, чтобы исправить положение. Я просто кипела в кротком молчании от желания убить их всех.

Но перво-наперво необходимо было разобраться с мастером конюшен. Он и его Пятнистый Жеребец должны быть отосланы куда-нибудь, где он бы никогда, словом или взглядом, не смог бы предать принцессу. Если бы я была мужчиной, то, возможно, задумалась бы о способах его убить. Но я была женщиной, а лукавство — лучшее женское оружие, как учила меня моя матушка. Итак, я подождала до следующего утра, когда она выглянула из окна, напевая себе под нос, пока Лостлер, стоя во дворе конюшен, седлал Пятнистого Жеребца.

Ни одной фрейлины не было поблизости, и я встала рядом с ее локтем и мягко сказала:

— Я знаю, Вас огорчает вид коня, и знаю, что Вы не можете покататься на нем верхом. Вскоре Вы будете матерью, и после этого наконец королевой Шести Герцогств. Я знаю, что Вы больше не считаете его подходящим скакуном для себя. Вам следует продать его так же, как когда-то купили. Уберите его из своей жизни и мыслей. Как только его не станет, Вам не будет нужды смотреть на него и вспоминать свои дикие приключения с ним.

Я говорила очень осторожно и смотрела только на лошадь, но знала, как она воспримет мои слова. Я почувствовала ее колебания, когда она произнесла:

— Возможно, мне действительно следует так поступить.

Так я подтолкнула ее к действиям.

— Лошадиная ярмарка продлится еще три дня. Будьте решительны, моя королева. Отошлите его отсюда, из Вашей жизни. Не дайте никому увидеть Ваших сожалений, и все увидят Вашу силу в данном решении. Они увидят, что Вы по-настоящему готовы оседлать трон вместо Пятнистого Жеребца. — Она все еще молчала и просто смотрела, но ее боль отразилась в ее сверкающих глазах. Мне пришлось надавить сильнее. — Позвольте всем увидеть Вас стоящей в гордом одиночестве и сильной, не полагающейся ни на кого в своих решениях.

Ее взгляд пал на меня, затем опустился к моему животу. Она сжала губы в тонкую линию и ничего не сказала. Мгновение спустя она решительно прошла по комнате к шнурку колокольчика и вызвала пажа. Она была немногословна.

— Я решила продать Пятнистого Жеребца на лошадиной ярмарке. Он отойдет по первой же цене независимо от предложения. У нас более чем достаточно особей его породы в Баккипе. Пришло время с ним расстаться. Хочу, чтобы его отправили туда незамедлительно.

Мальчик поклонился.

— Я немедленно сообщу мастеру конюшен.

Наследная принцесса покачала головой.

— Нет. Не беспокой его по этому делу. Он будет спорить, а это уже окончательное решение. Пусть замковый кузнец справится с этим. Привяжет коня к телеге и отведет на рыночную площадь. Так он не сможет высвободиться.

— Как пожелаете, Ваше Высочество.

Мальчик ушел, и Каушен вернулась к окну.

Кузнец не питал симпатий к мастеру конюшен Лостлеру. Он приходился братом предыдущему мастеру конюшен, которого заменила наследная принцесса, поэтому он затаил обиду на человека, оставившего его брата без места и средств к существованию. Все это знали. И когда паж передал тому повеление наследной принцессы, я уверена, тот не стал тянуть время, отложил свой молот, повесил фартук и прикатил свою тяжелую кузнечную телегу во двор конюшен.

Мы видели, как он подтянул свою телегу и шагнул в конюшню. Он нес длинную цепь. Он был массивным мужчиной, высоким и мускулистым. Лостлер отложил свои гвозди обратно в стойло и работал с молодыми кобылками на тренировочном дворе. Кузнец не остановился, чтобы поговорить с ним. Мы были высоко над конюшнями, но даже мы услышали гневное ржание жеребца. Каушен оперлась на каменный подоконник, глаза широко раскрыты на бледном лице, губы сжаты. Боль в ней боролась с удовлетворением от мести. Я понимала, что она намеревалась сделать. Она продаст связанного с Лостлером Уитом друга, оторвав от Лостлера того, кого он любил, так же, как, по ее мнению, он разорвал ее любовь к нему.

Послышалось ржание другой лошади, и мы увидели Лостлера, поспешно зовущего грума, чтобы тот забрал кобылу. Мастер конюшен развернулся и метнулся назад в конюшни. На протяжении трех вздохов все вокруг было спокойно. Грум собрался уводить кобылу, а конюх подошел к двери с тележкой, полной корма, два молодых подмастерья с метлами на плечах следовали за ним.

Но спустя мгновение мальчики и мужчина с тележкой, пятясь, высыпали во двор. Мы слышали крики и видели людей, бегущих к конюшням и от них. Еще мгновение спустя, прилипшие друг к другу, появились Лостлер и кузнец. Кузнец тащил Лостлера за отворот рубахи. Лицо мастера конюшен было в крови, но он все еще дрался, отпуская бесстрастному кузнецу удар за ударом. Можно было

услышать злобное ржание жеребца из конюшни. Кузнец поставил мастера конюшен на ноги, отвесил ему мощный удар в лицо и презрительно бросил его в дорожную пыль. Лостлер безвольно упал на землю. Кузнец, даже не посмотрев на него, зашагал обратно к конюшням.

Решимость Каушен подвела ее.

— Лостлер! Нет! Что же я наделала? — вопила она, смотря на неподвижное тело мужчины. Потом, двигаясь быстрее, чем обычно в течение последних недель, она оторвалась от окна и побежала через комнату. Она была уже за дверью, когда я все еще пялилась ей вслед. К тому времени, как я достигла коридора, она пробежала полпути вниз по лестнице так, как не следует беременным женщинам.

— Моя королева, подумайте о ребенке! — я кричала ей вслед, но она не остановилась. Я подобрала юбки и побежала за ней, сдерживаемая своей собственной тяжестью.

Я не была такой же быстрой, как она. Я уже выдохлась, когда достигла подножия лестницы. Лучшее, на что я была способна, была быстрая ходьба, но когда я услышала ее крики, то сжала зубы и побежала снова. К тому времени, как я прибежала во двор конюшен, собралась толпа. Я грубо прокладывала себе путь через бесполезных, орущих людей, и все равно было слишком поздно.

Тяжело было понять, что за чем тут произошло. Я видела кровь, хлеставшую из груди Пятнистого Жеребца, который мелькая подковами взвился на дыбы. Он кричал, но скорее от гнева, чем от боли. Королева-в-ожидании, заслоняясь от него руками, вжалась в грязь рядом с телом Мастера Конюшен. Тот умирал. Она пыталась уложить его к себе на колени, но он протягивал руки к Пятнистому Жеребцу. Когда он снова откинулся, при смерти или уже мертвый, я увидела, как кровавый цветок расцветает у него не груди. Тело его билось в судорогах от боли, кровь была как яркая алая роза на светлой рубахе. Над Королевой-в-ожидании стоял кузнец, заслоняя ее от разъяренного Пятнистого Жеребца, сжимая в сцепленных руках вилы, изготовившись к следующей атаке. Зубцы вил были окровавлены.

Внезапно я догадалась: лошадь напала, а кузнец отбивался, и тут досталось Мастеру Конюшен. В ужасе я увидела, как лошадь опустилась, встречая его выпад. Вилы глубоко вошли в грудь

жеребца, выскользнув из рук кузнеца, когда конь навалился на них. Рукоятка вил со страшной силой ударила кузнеца. Вскрикнув напоследок, умирающий конь свалился на расстоянии протянутой руки от Каушен. Кровь потоком лилась из его ран под стихающие стоны. Кровавые брызги с черной и белой сторон его шкуры насквозь пропитали платье королевы. Почувствовав их на своей коже, она вскрикнула, словно ее обдало кипятком, и бросилась на грудь Лостлера, словно хотела его заслонить.

Каушен была обагрена кровью. Конь оскалился, обмяк и, дотянувшись мордой до безжизненной руки хозяина, испустив дух. Полулежавший на коленях Каушен Лостлер внезапно стал таким же безжизненным, как и его конь. Мастер Конюшен и его Жеребец оба были мертвы.

На мгновенье все стихло, а потом поднялся гвалт рева, криков и восклицаний. Но я слышала только жуткий вопль Королевы-в-ожидании, который все никак не прекращался, пока она не упала без чувств, вся заляпанная и пропитанная лошадиной и человеческой кровью.

— Назад, дайте мне пройти! — крикнула я, но никто меня не услышал. Все метнулись вперед, словно охотничья свора на добычу, и меня отпихнули в сторону. Мне удалось только коснуться промокшего подола ее юбки, когда ее подняли и понесли к дверям.

Протиснуться к ней было невозможно, и я решила быть умнее, заставив свои больные ноги обогнать толпу и взбежать по лестнице в ее покои. Само собой, ее принесут сюда, подумала я, а мне надо только подождать. Но вышло иначе. По приказу Короля бесчувственную Королеву-в-ожидании положили в покоях ее матери, поблизости от его собственных. Был вызван собственный лекарь его величества. Когда я поняла свою ошибку и прибыла туда, дюжина других дам выстроилась в очередь перед входом. К двери подобраться было нельзя, но их перешептывания повергли меня в ужас. Когда с принцессы снимали облачение, оказалось, что не вся кровь на ней была чужой. Королева Каушен очнулась и стала звать Мастера Конюшен, затем вскрикнула от боли внезапных судорог. Так в минуту ее глубочайшей скорби начались роды.

Я побежала к своей матери.

Она, похоже, ждала меня. Ее последний подопечный спал, но она

не покинула комнату, где уложила его. В очаге тихо потрескивал огонь. Рядом дымился котелок свежезаваренного чая. Мать малыша поспешила присоединиться к всей этой возне с Королевой-в-ожидании, так что мы остались одни. Я упала перед маминым креслом и уткнулась в ее колени.

— Это было ужасно, — сказала я. — Ее забрали у меня, не знаю, что теперь делать.

Мать резко отстранилась от меня.

— Прежде всего, перестань глупить, Фелисити.

Я выпрямилась и посмотрела на нее. Против моей воли слезы навернулись на глаза от ее сурового тона. Она не обратила на это внимания.

— Лучше бы тебе послушать меня раньше, но теперь нет времени на упреки. Сядь-ка, послушай и сделай то, что я скажу: у тебя все еще есть возможность сохранить свое положение и, возможно, обеспечить лучшую долю ребенку, которого ты носишь.

Она поднялась со своего кресла и пошла прочь от меня. Я медленно встала и пошла за ней к сундуку с одеждой. Она открыла его, из дальнего уголка извлекла маленький тряпичный мешочек и сунула мне его в руки. Он был почти невесомый.

— Это я приготовила для тебя два месяца назад, — гордо сообщила она, явно рассчитывая увидеть мою благодарность. — Завари, как чай, и быстро выпей. Не дай себе стошнить, как бы не крутило живот. Как только начнутся схватки, приходи ко мне сюда, и я сама в этой комнате помогу тебе родить. Здесь он или она будет в безопасности и вне подозрений. Потом придет твоя очередь быть смелой и сильной. Потому что тебе придется прямо с родильного ложа встать, набить тряпками платье, как будто ты все еще беременна, и найти способ попасть к Каушен.

Не бойся, что ее ребенок родится прежде твоего. Может, они и крепкими кажутся, эти высокородные, но всегда так трясутся над своими родами, как будто никому до них рожать не доводилось, или для этого нужен какой-то особый талант. Ее время придет. Твоя задача — в этот час оказаться рядом и оставаться первой и самой надежной служанкой.

Я ошарашенно глядела на нее. Когда слова вернулись ко мне, я

спросила:

— Зачем? Зачем моему ребенку родиться именно сегодня, и почему мне надо скрывать это от всех?

Она посмотрела на меня как на дуру.

— Не знай я, что ты мое дитя, решила бы, что тебя родила идиотка! — съязвила она. — Перед тобой открываются два пути. К обоим ты должна быть готова. Первый путь — у тебя должно быть молоко, когда родится принц или принцесса, и ты станешь кормилицей. У тебя есть право на это положение, и никому не позволяй отобрать его. А второй путь… — Она понизила тон и наклонилась ко мне, перейдя на шепот. — Все новорожденные выглядят одинаково. Говорю тебе сущую правду, кто бы что ни утверждал. С возрастом они могут смахивать на свою мать или отца, иногда на обоих. Но в нашей ситуации никто, кроме самой Королевы-в-ожидании, не может сказать, как выглядел отец ребенка. Таким образом, когда ты принесешь в детскую одного ребенка, а выйдешь из нее с другим, никто и не заметит.

Я уставилась на нее, пытаясь понять смысл ее слов.

— Какого ребенка? — спросила я, подавленная тяжестью того, что она мне предлагала.

— Твоего ребенка, глупая девчонка. Моего внука. Если боги благоволят к нам, твое дитя будет того же пола, что и наследник Видящих. Берешь ее ребенка — помыть, покормить. Приносишь обратно чистенького, спеленутого ребеночка, и однажды он сядет на трон Шести Герцогств.

— Но почему?

— А почему бы и нет? — огрызнулась она. — Что за глупость — у одной женщины ребенок рожден, чтобы стать королем, у другой — чтобы копаться в грязи? Почему бы нашей семье не посеять королевское семя? Мы никому не скажем, и ты вырастишь свое дитя, наряжая его в шелка и кутая в меха. Однажды, когда он подрастет, ты доверишь ему нашу тайну. И тогда ты, твой отец и твои братья-сестры заживут так, как никогда прежде, пользуясь расположением королевского наследника. Разве не понимаешь, моя дорогая Фелисити? Все в наших руках, если только ты будешь смелой. Пожертвовав тобой, я смогла изменить всю твою будущую жизнь. Следующий шаг за тобой. Посади свое дитя на трон.

В ее устах все было так просто. У меня закружилась голова. Ошеломленная ее словами, я села. Она покачала головой и выхватила из моих рук мешочек. Потом наполнила свою чашку кипятком, высыпала туда содержимое мешочка и размешала. Мы смотрели в тишине, как он заваривался. Она вручила мне чашку, и я спросила:

— А что станет с ребенком Каушен?

— Мы объявим его твоим, естественно, — ответила она, а когда я сделала первый глоток отвара, добавила: — Для начала. Конечно, его нельзя держать рядом с Баккипом, если внешнее сходство будет сильным. Если здоровье ему позволит, отправим его на воспитание к кузенам в Тилт.

Я отпила еще немного. Думала, будет горько. Но нет. Чай был ароматный, даже вкусный.

— Никогда не слыхала о кузенах в Тилте.

Она раздраженно тряхнула головой.

— Ты много о чем не слыхала, воспитываясь так далеко от меня. Выпей до дна быстро, залпом. Теперь ступай в свою комнату и все приготовь для ребенка Королевы-в-ожидании. Смотри, чтобы тебя не стошнило. Схватки начнутся скоро. Вот тогда и возвращайся ко мне, но не раньше.

Я так и сделала. Было все, как она и сказала. Мой желудок вскоре захотел избавиться от ее пойла, но я сцепила зубы и удержала рвоту. А когда начались схватки, поспешила к ней. Я видела рожающих женщин раньше, даже присутствовала на парочке родов вместе с Каушен. Мне было известно, как это бывает: схватки нарастают медленно, постепенно подготавливая тело женщины. Со мной же было не так. Чем бы меня не напоила мать, оно сильно ускорило процесс. Мать все подготовила для меня в своей комнате. Вода, куча полотенец, одеяльце, чтобы завернуть малыша. Она приходила и уходила, пока я судорожно дышала в схватках. Приказала мне молчать, пришлось прикусить свернутое полотенце, чтобы не заорать. Наконец мой маленький сынок родился, омытый водой и слизью, и мать разочарованно вскрикнула при виде него.

— Это еще что? — набросилась она на меня, как будто я вместо мяса предложила ей рыбы. — Такой малюсенький! Только на волосы взгляни! Красное золото! О чем ты думала, девочка? Королева-в-

ожидании брюнетка, и Мастер Конюшен, и ты сама. Не могла найти темноволосого мужика себе в постель?

Я все еще тяжело дышала после потуг и была не в силах терпеть ее упреки.

— Откуда ж мне было знать, что за хитрость ты задумала, — начала было я, но когда увидела, как в гневе сузились ее глаза, просто сказала: — Дай посмотреть.

— Еще чего, — она отложила моего сына в сторону. — Сначала помойся и изобрази себе пузо. Ты должна быть на ногах и рядом с Каушен как можно быстрее. Как будешь готова, мы дадим ему грудь, чтобы пришло молоко. Но сейчас времени на всякую ерунду просто нет. Кто знает, что за удача нас ждет? Может, ребенок Королевы-в-ожидании будет ничем не примечательным, и никто не догадается, кто был отец. И у тебя все же будет шанс поменять детей.

И я послушалась. Как обычно. Порой мне было странно обнаруживать, что мать, которую я долго не знала, могла так командовать мной. Иногда же казалось, что именно потому что этой женщины было так мало в моей жизни, я ловлю каждое ее слово. Может быть, если бы я любила отца ребенка, если бы предвкушала его рождение с радостью, то мои чувства были бы другими. Но, как ни странно, мои мысли были больше заняты ребенком Каушен, чем своим: будет ли он сильно походить на своего отца? Поэтому, когда наконец мать всучила мне спеленутое дитя и приказала дать ему грудь, это было для меня будто бы очередным приемом, который надо освоить. Меня не удивили ручонки или рыжеватый пушок волос. Я заметила только, какой он был малютка. Приложила его к груди, и он сделал несколько глотков, а потом практически сразу уснул. «Не разрешай ему этого», — сказала мать и потормошила его, чтобы он открыл глаза. Он еще немного пососал, а потом снова уснул.

— Не выглядит он здоровяком, — сказала я нерешительно, боясь, что она поругает меня.

— Не выглядит, еще бы, — ответила она без обиняков. — Тебя поджимало время, и ему пришлось родиться раньше срока. Еще месяц в утробе пошел бы ему на пользу, но видела я, как выживают и более хилые. Он будет много спать, а тебе придется тормошить его, чтобы он хорошо кушал. Вот. Дай-ка его сюда. У меня пока много

молока. А тебе уже надо быть кое-где в другом месте.

Она забрала моего ребенка, а мне дала букетик цветов.

— Пока ты тут рожала, я сходила в Женский Сад, — гордо сообщила она. — Это купит для тебя местечко рядом с Королевой-в-Ожидании. Старое средство. Скажи женщинам, что ты должна подержать букетик, чтобы она могла вдыхать аромат между схватками. Это придаст ей сил. А теперь ступай. И помни, всё это я делаю из любви к тебе.

И я ушла. Ее слова отозвались старым воспоминанием.

С трудом переставляя ноги прочь от ее комнаты, вниз по ступеням, я чувствовала боль во всем теле и единственно чего хотела — это поспать. Вместо этого я думала о том, как бы попасть к Каушен и скоро ли ее роды. Было понятно, что пока она не родила. Как только это произойдет, зазвучит каждый горн и барабан в замке, и во все герцогства будут посланы гонцы. Я покрепче сжала цветы и стала молиться, чтобы мне дали войти. А о своем ребенке я и не вспоминала. Гораздо позже я подивилась тому, что, вроде бы, чувствовала, как он растет и двигается во мне, но никогда не думала о нем как о настоящем.

Похоже, все женское население Замка Баккип собралось на лестнице и в зале перед покоями Королевы-в-Ожидании. В стайках перешептывающихся дам я видела знаки, не предвещавшие ничего хорошего. Растрепанные волосы, развязанные ленты, расшнурованные платья и туфли. Мое сердце сжалось и затем забилось в тревоге. Я понимала, что это значит. Роды Каушен были очень тяжелыми. Я замешкалась на ступенях, и тут, неся на подушечке сверкающий нож, мимо меня пронеслась служанка. Я ахнула и увязалась за ней, выставив перед собой букет, как будто мы обе выполняли некое поручение. Столпившиеся дамы расступались и умолкали, давая нам пройти, а потом вновь наполняли комнату шепотом за нашими спинами. Словно по волшебству, тяжелая деревянная дверь в королевскую комнату открылась перед нами. Королевская стража подняла скрещенные копья, чтобы пропустить нас. Никем не остановленная, я последовала за служанкой внутрь.

Там было три повитухи, все в белых передниках, с закатанными рукавами. Одна из них, старуха, восседала на стуле в подножии кровати под пологом. Каушен увидеть было невозможно, только

слышно было ее тяжелое дыханье. Вторая повитуха — женщина средних лет — поспешила забрать у служанки подушку и нож, передав их третьей — грузной женщине, по крайней мере, лет тридцати. Та опустилась на колени и осторожно подсунула под кровать подушку и нож, приговаривая: «Это обрежет твою боль, дорогая. Нож под кроватью никогда не подводил».

Вторая повитуха наконец заметила меня.

— Тебя кто пустил? — угрожающе напустилась она. — Ты кто такая?

Две остальные встали, словно стража, между мной и кроватью.

— Я личная служанка Будущей Королевы Каушен, с самого ее детства. И мне давно обещали, что я также стану кормилицей ее ребенка, — с отчаянным безрассудством пустилась я во вранье. Если бы это помогло приблизиться к кровати, я бы назвалась хоть самим королем. До меня донесся стон нарастающей боли. Моя бедная Каушен страдала. И тогда она воскликнула «Лостлер!» — и не было ей дела до того, кто может это услышать. «Лостлер!» — позвала она громче, и когда все три повитухи метнулись к ее ложу, в припадке телесной и душевной муки она снова выкрикнула: «Лостлер!»

Ее боль пробрала меня насквозь, добавляясь к моей собсвтенной. Ведь она звала его, человека, который навлек на нее все эти несчастья, но не меня, ту, которая всегда помогала. Как бы то ни было, я подняла перед собой букетик, который дала мне мать, и сказала:

— С давних пор женщины моего рода выкармливали благородных детей. Нам известны древние целебные средства, и в моих руках сейчас то, что облегчит ее боль и поможет ребенку явиться в этот мир.

Старуха злобно уставилась на меня — мне ли не знать о ее давнем соперничестве с моей матерью. Она было заворчала, что негоже корове мычать о том, что ей знать не дано, но на этот раз унизить меня не было никакой возможности, потому что Каушен услышала меня и прохрипела:

— Дайте сюда цветы, прошу, или я умру от боли, умру!

Теперь повитуха не могла оспаривать мое право здесь находиться. Я бросилась к Каушен и подставила цветы так, чтобы она

могла вдыхать их аромат. Она вцепилась в мои запястья обеими руками так крепко, что клянусь, я чувствую это и по сей день. А букетик, по всей видимости, свое дело сделал, так как она набралась сил для своего часа. С каждой схваткой она звала Лостлера, но это уже мало походило на имя, скорее, на какой-то решительный рев. Я стояла рядом и позволяла ей держаться за себя. Мое собственное нутро болело, и я чувствовала, как спазмы сотрясают мою утробу точно в ритме ее потуг. Мне было известно, что это нормальное и даже полезное явление после родов, но не могла избавиться от ощущения, будто я и сама рожаю рядом с ней и что мои спазмы словно бы помогают ей.

Она собралась с силами, это верно, но, на мой взгляд, ее роды сильно затянулись. Одна повитуха шепотом сообщила своим помощницам, что, видимо, придется ей разрезать чрево Королевы-в-Ожидании и достать ребенка, иначе можно потерять обоих. Тогда моя госпожа широко открыла глаза.

— Никакой нож не коснется меня, — объявила она. — Пусть мое дитя выйдет тем же путем, что и вошло. Довольно над ним пролито крови!

И все, кто стоял рядом, заохали от этих слов, но возразить не посмел никто, ведь последнее слово всегда за роженицей. И она рожала дальше, хотя я уже думала, что дать разрезать себе живот было бы не так больно. Ночь сменилась рассветом, наступило утро. Раз за разом король посылал гонцов к ее двери, и каждый раз они возвращались с одним и тем же «пока нет». В конце концов, он послал пажа сидеть в зале под дверью и дожидаться. С приходом темноты я видела, как моя госпожа слабеет.

И когда наконец повитуха воскликнула: «Я вижу головку! Еще поднатужьтесь, моя королева, и ваш ребенок появится!» — я увидела, как от лица Каушен отхлынула кровь. Побелели даже губы над сжатыми зубами, было видно, что она, больше не прислушиваясь к своему телу, тужилась каждой крупицей силы, что в ней оставалась. В струе кровавой жидкости наконец появился ребенок, сначала головка, а потом и весь он целиком выскользнул наружу. Повитуха подхватила его и радостно подняла, словно он был свежевыловленным лососем. «Мальчик! — воскликнула она, — В роду Видящих новый принц! Скорее шлите гонца королю, пусть он первый узнает об этом и сможет объявить всем!»

И тут же одна из ее помощниц ринулась к дверям. Другая приняла ребенка в чистое белое одеяльце и стала бережно вытирать его, пока повитуха караулила послед. Когда на последней потуге он вышел, Каушен надолго закрыла глаза. Но она продолжала сжимать мое запястье, и я боялась пошевелиться, чтобы не потревожить ее покой. Повитуха возилась у нее в ногах, что-то недовольно бормоча. Она прикладывала полотенце за полотенцем, а потом свела бедра Каушен поплотнее и закутала их. Затем она обернулась к помощнице, которая подергала ее за рукав и что-то зашептала.

К этому времени моя госпожа начала дрожать, ведь роды длились так долго, и теперь жар напряжения начал покидать ее. Ей принесли одеяла, нагретые у камина. Когда дрожь немного спала, она требовательно спросила:

— Где мой сын? Вы до сих пор мне его не показали! Дайте его мне!

Я заметила взгляд, которым обменялись повитуха и помощница. Повитуха, поджав губы, кивнула. Перед Королевой-в-Ожидании нерешительно предстала женщина, склонилась в глубоком реверансе и подала спеленутого младенца.

Слабо улыбаясь, Каушен взяла его, но подняв край одеяльца и взглянув в его лицо, воскликнула:

— Как вы посмели! Совсем не отмыли его! Он все еще покрыт моей кровью. Смотрите, у него все лицо в крови!

Повитуха молчала. Пусть новости сойдут не из ее уст. Ответила помощница:

— Да будет моя королева довольна, ваш сын таков, каким отмечен: красный и белый, весь в пятнышках, как щеночек.

— Но я не довольна! — дико закричала Каушен, — Вымойте его! Отмойте мне его!

И вышло так, что теперь я взяла малыша из ее рук и распеленала, чтобы мы все могли посмотреть на него. Помощница повитухи не соврала. Его бледная кожа была покрыта неровными красными пятнами. Повитуха сказала, понизив голос:

— Дети рождаются с отметинами по многим причинам. Испуг или любое сильное переживание. Моя королева, взгляните на него, неправда ли, его пятна похожи на кровь, которой вас окропил,

умирая, тот жуткий жеребец?

— Нет, — ответила Каушен. Она поглядела на своего пятнистого младенца, одна половина лица которого была белой и нежной, а другая — окрашена алым. — НЕТ! — закричала она и потеряла сознание, откинувшись головой на подушки.

Повитуха с помощницей засуетились возле нее, оттеснив меня в сторону. Я отступила, прижимая малыша к груди, и он, словно догадавшись, кем я для него стану, повернулся ко мне и стал искать грудь.

В последующие дни я наслышалась разных диких историй. Кто-то говорил, что дитя носило метки потому, что его отец был связан с Пегим Жеребцом. Все жеребята этого жеребца наследовали его пятна, значит, и ребенок его партнера по Уиту должен быть той же масти. Другие утверждали, что ребенок во чреве Каушен был раскрашен кровью, которая пролилась на нее, и, похоже, никакой разницы нет, чья это кровь — Жеребца или Лостлера.

Как бы там ни было, одно я уяснила наверняка: Каушен ни за что не позволила бы ребенку сосать ее молоко, так что с того момента нянчилась с ним одна я. Весь месяц до новой луны Королева-в-Ожидании медленно увядала, разговаривая помалу и всегда глядя на меня обвиняюще, стоило мне войти в комнату. Я знала, что она винила меня, и я бы несла эту вину хоть до самой могилы. Единственная моя ложь погубила всех нас: меня, ее и Мастера Конюшен. Вот какой властью обладает ложь, сказанная тому, кого любишь. И я никогда и не подумала открыть ей правду, ведь тогда память о смерти возлюбленного причинит ей еще больше горя, к тому же она станет винить и себя. От этого бремени я ее избавила, пусть же оно будет только моим.

Моя королева так и не оправилась, только все больше слабела, пока в новолуние не умерла. Вместе с ее тающей жизнью мое сердце сжималось все больше, а когда она умерла, что-то внутри меня тоже умерло. Я обрезала волосы в знак траура по ней короче, чем сам король. Мать моя упрекнула меня за это, и куда бы я ни ступила, об этом перешептывались за моей спиной, но мне больше не было дела ни до них, ни до того, что они обо мне думали. Моя королева, моя сестра, моя дочь, моя любовь — все ушло, словно солнце закатилось, и осталась я одна с двумя скулящими малышами.

Кормилица из меня вышла отличная, вся в мать, молока вдоволь, и это было хорошо, потому что мать не стала кормить ни одного из младенцев.

— Какой смысл выкармливать бастарда, чей покровитель мертв? — без обиняков заявила она, и подойдя вплотную, тихо добавила: — Хотя, возможно, найдется и тот, кто вознаградит женщину, которая позаботится о том, чтобы королевский внук-ублюдок прожил недолго».

И тогда я забрала обоих детей из ее комнат и поселила их в своей. С тех пор я почти не общалась с ней, а она со мной. Мать относилась ко мне так, будто все неудачи случились из-за меня. Возможно, это правда. Настанет время, и она лишится возможности вынашивать и нянчить детей, будет рассчитывать на меня, но я не стану содержать ее. И жалеть об этом тоже не буду.

Мальчик был со мной, и это как будто всех устраивало, так что только я и ходила за ним, как и за с собственным сыном. Маленький принц был здоровеньким и сильным. Лицо, как и тело его, было покрыто пятнами, но в остальном никакого порока в нем не было. Глаза были ясные и кушал он с аппетитом.

Чего нельзя было сказать о моем сыночке. Рожденный до срока, он был мелким, и если со стороны он кому-то мог показаться безмятежным, я скорее назвала бы его вялым. Принц был румяный и пухлый, а мой сынок — бледный, с запавшими глазами. У груди он слишком быстро засыпал, приходилось его тормошить, чтобы он поел. Громкий плач был не в его характере, разве что хныканье. Хорошо спать он мог, только если положить его рядом с принцем — так я и делала, поскольку рядом не было никого, кто счел бы это неподобающим.

В первые дни после рождения внука король был вне себя от горя. Не внук занимал его мысли, но только дочь, которую он потерял. Через четыре дня я назвала мальчика Чарджер, ведь нужно же ему было какое-то имя, к тому же оно хорошо подходило для принца. Но было уже слишком поздно. Слуги окрестили его Пегим Принцем. Я пришла с младенцем к королю, уверяя, что его мать сама выбрала для него имя, и пусть все называют его именно так. Так что в свитках Баккипа он записан как Чарджер Видящий. Но никто не позаботился о том, чтобы как подобает закрепить имя незаконнорожденного, так что немногие пользовались им. И до конца своих дней он отзывался

на имя — Пегий.

Часть вторая
Пегий Принц

Своего родного сына я назвала Рэдбёрд, за его волосы цвета горлышка малиновки. Он был мельче принца Чарджера и поначалу сильно уступал в здоровье. Зрение его было слабое, поэтому он вечно прищуривался, словно вглядывался куда-то, и это, по моему мнению, все из-за того, что он слишком рано оказался погружен в большой мир. Я воспитывала его вместе с принцем, как когда-то меня саму растили вместе с его матерью, только в отличие от своей матери я не давала ему недобрых советов.

Я попросила переселить меня на этаж повыше, и кастелян быстро нашел для нас новые комнаты. Никто не стремился забрать у меня принца-бастарда, и никому даже дела не было (если кто-то вообще был в курсе), что я родила собственного ребенка. Теперь получалось, что я живу на этаж выше королевских покоев, но все же на этаж ниже прислуги, по соседству с благородными, пусть и не королевских кровей, а также дворянами, находящимися тут с визитом. Среди всего этого я жила тихо. Двор был счастлив забыть о нас.

Я заботилась обо всем необходимом для принца, как когда-то для его матери, посещала королевских портних, когда ему нужны были новые одежды, следила, чтобы все было пошито на совесть, чтобы после Чарджера их еще мог поносить мой подрастающий сынок. Шли месяцы, мой сынок здоровел, хотя ни по росту, ни по аппетиту со своим царственнородным товарищем сравниться так и не смог. Но миновав свой болезненный период, он превратился в славного ребенка, который доволен был в чем угодно уступить своему принцу. Я оплакивала принцессу и заботилась о ее сыне, кроме которого у меня ничего от нее не осталось, но со временем боль утраты притуплялась.

Жизнь и политика в Баккипе должны были продолжаться, независимо от того, чья жена или дочь умирает. В один год Король Вирайл лишился сразу жены и дочери. Многие поговаривали, что вскоре он и сам сойдет за ними в могилу, горе и позор такой силы способны прикончить любого. Начали поглядывать на его младшего

брата, удивляясь, что Король Вирайл до сих пор не назначил его Будущим Королем. Но по правде, Король Вирайл во всей своей скорби держался молодцом. Не в том смысле, что он делился со мной своими тайными мыслями и переживаниями, но я видела то же, что и все. В назначенные дни он председательствовал на судилищах. Черты его обмякли под гнетом страданий, глаза никогда больше не блестели, но он был опрятен, ходил и сидел так же прямо и уверенно, как и всегда.

Он превратился в хмурого и задумчивого человека, редко улыбался и никогда больше не смеялся, и все же королем он был хорошим, как и во времена до большого горя. В последующие годы он правил мудро и справедливо. Поначалу герцоги с герцогинями говорили: "Возможно, он возьмет себе другую жену и обзаведется другим наследником, не так уж он и стар, еще может родить одного ребенка, или даже пяток". Но годы шли, а ничего такого не происходило. Тогда начали говорить: "Ну, значит, теперь-то он объявит своего брата, Канни Видящего, наследником трона". Многие дворяне знакомили с Канни Видящим своих благородных дочерей на выданье, мечтая, что та, кто сейчас стоит перед ним, когда-нибудь воссядет на трон Видящих.

За стены Замка Баккип о Пегом Принце почти ничего не просачивалось. Но правда должна быть известна, пусть даже менестрели оболгали его как испорченного коротышку, злобного вруна, жестокого к своим нянькам. Правда же куда короче: Чарджер — единственный на всем свете ребенок, который был одновременно и красив, и уродлив. Он был отлично скроен по фигуре и повадкам, но весь покрыт пятнами, не только на лице, но и на всем теле. И все же его черты были чертами Видящих, он был похож на мать и деда больше, чем на отца. По характеру он был упрям и своеволен, как мать, и так же молчалив, как отец. Сплетничали редко, но ни у кого не возникало сомнений, что он сын Лостлера Мастера Конюшен.

Вот как он был окрашен: левая половина лица была того же цвета, что и у обычных людей. Правая же была цвета перезревшей ягоды, от лба к подбородку, но не затрагивала область вокруг рта. Волосы были черные, глаза — темно-карие. От затылка по шее начиналось следующее пятно, растекаясь, словно пролитое вино, по его левому плечу. На левой руке у него было три пятна, одно из них в форме птицы, раскинувшей крылья. Сзади на правой ноге пятно шло по всему бедру и ниже колена. Теперь кто-то утверждал, что

расположение пятен было точно такое же, как у Пятнистого Жеребца, если сопоставить человеческие и лошадиные части тела. Но к тому времени конь был давно мертв, а людская память — дело ненадежное, когда свидетельства нет прямо перед глазами. Так что за правдивость этих слов не поручусь. Сама я склоняюсь к мысли, что кровь конюшего и его жеребца пропитала принцессу насквозь и окрасила дитя в ее чреве. Потому что всем известно, что такое случается.

В раннем возрасте воспитывала его я. Но как только Чарджер и Рэдбёрд стали способны сидеть и слушать, я сама отвела их обоих к очагу в Большом Зале, где дети брали уроки у Писца Уиллоуби. Уже тогда по закону ни одному ребенку не могли отказать в образовании, поэтому никому не пришло в голову прогнать бастарда — без разницы, какого он цвета или крови. И Уиллоуби, как справедливый человек, скоро заметил, что у Пегого Принца гибкий ум. Песец сам обратился к королю с просьбой выделить принцу подходящего наставника. Я тогда испугалась, что его отберут у меня, и придется мне с моим сыном искать себе иные средства к существованию. Но мальчика просто переселили на этаж ниже, рядом с королевскими покоями, и я с Рэдбёрдом переселилась вместе с ним, потому что комнат было много и никто нам этого не запрещал.

И с самого начала Чарджер унаследовал от отца способность к языку зверей. В те дни люди не стыдились обладания этой магией, потому что о деградации, к которой она могла привести, знали немного. Так что Уитом пользовались открыто, многие зарабатывали на жизнь при его помощи, например, становились охотниками, врачевателями животных, пастухами и прочее. А у Пегого Принца этой магии было в избытке. Может, люди чурались его из-за пятен, покрывавших лицо и тело, но только не звери. Они стремились к нему, как пчелы на нектар. Птицы влетали в окно, чтобы присесть на бортике его колыбели. Это истинная правда, я сама видела. Ни одна комнатная собачка не могла усидеть рядом с хозяевами, бросалась к ногам мальчика и увязывалась следом. Кошки бродили за ним по пятам. Когда он подрос, не было в конюшне лошади, на которой он не мог бы ездить. Все это не казалось ему чем-то странным.

Он был образован, как подобает принцу, так как король самолично проследил за этим, выбирая ему наставников, учителей языков, которые сами на них разговаривали с детства, проверенных менестрелей, которые преподавали бы правдивую историю. Чарджер

всегда оставался способным и любознательным учеником. Мой Редбёрд учился с неохотой, но я настояла, с хлыстом в руках, чтобы он посещал все уроки принца, как свои собственные. Так что выучился и он.

У Чарджера не было друзей благородного происхождения — ровесников или постарше. Вместо этого он обзаводился друзьями, вслед за моим Редбёрдом, среди простонародья в замке: мальчишек-псарей, поварят с кухни, садовников и прочих. Редбёрд всюду был рядом с ним, по-собачьи преданный, нередко они засыпали у очага, опираясь друг на друга. Люди качали головами, ибо не подобало принцу, пусть и пятнистому бастарду, опускаться до такой дружбы.

В должное время Чарджер прошел проверку на Скилл, и обнаружилось, что законной магии Видящих в нем немного. С огромным усилием Скиллмастер сумел дотянуться до его разума, а Чарджер оказался абсолютно не способен поделиться какой-либо своей мыслью с членами Королевского Круга. После стали говорить, что одно это было признаком низкого рождения, а кто-то делал вывод, что низкая звериная магия заглушала магию Видящих в нем. Но наверняка, конечно, никто сказать не мог, поэтому ни один приличный менестрель не станет утверждать истинность этих домыслов. Я бы сказала, у матери его тоже не было особой склонности к магии, и всем известно, что далеко не в каждом поколении проявляется этот дар, не говоря уж о том, что у разных потомков королевской крови она может проявляться с разной силой.

Король Вирайл славно правил, и Пегий Принц рос, как все мальчики, будто бобовый стебель, так что не успели оглянуться, как он уже был ростом с деда. К тому времени у моего хрупкого Рэдбёрда обнаружился недурной голос и сильные легкие. Он очень походил на отца, с медными волосами и ореховыми глазами, вот и голос тоже унаследовал. Не раз я слышала, как народ болтает, мол, у такой мосластой коровы, как я, — да такой изящный приплод. Он обещал на всю жизнь остаться невысоким и стройным, словно мальчик, но у него был жизнерадостный нрав, да и в письме и счете он был молодцом. Насколько принц был смел, настолько он был осторожен, зная, что не сможет так же ловко карабкаться, драться или бегать, как его сверстники; но при всем при этом он был до глубины души предан принцу, и тот, со своей стороны, присматривал за ним, как за младшим братцем, с любовью и снисхождением к его слабостям. Я даже осмеливалась помечтать о большом будущем для своего сына,

правда, правда, помалкивала — пусть он ищет свой путь.

Когда менестрели замка предложили Редбёрду вступить в их гильдию, он стал упрашивать меня дать разрешение. Сердце мое сжалось, но я улыбнулась и позволила ему. Я сказала себе, что дать ему право на собственный выбор в жизни — это правильно. И далеко он от меня не ушел, потому что его отец, Коппер Сонгсмит, вернулся в замок. Хотя он так и не признал Редбёрда сыном, он с удовольствием взял его в ученики. Так что мы с ним часто виделись, даже если он покидал Баккип и жил в Зале Гильдии с другими учениками. Редбёрд выбрал стезю того, кто ведет записи и свидетельствует истинность соглашений. Ему нужно было выучить много родословных, запомнить всю древнюю историю, но, похоже, это ему было в удовольствие. Порой я вспоминала дни, когда только хлыст мог усадить его на место и заставить слушать, и поражалась, куда подевалось то рассеянное дитя.

Так что теперь все мое время уходило на принца, которому, правда, моя опека требовалась все меньше и меньше. Я задумывалась, что станет со мной, когда я стану не нужна, ведь по стопам матери я не пошла и кормилицей не стала. Редбёрд был моим единственным ребенком, и вряд ли будут другие, ради которых вернулось бы молоко. Моя связь с Каушен и ее бастардом наложила на меня во многих смыслах свой отпечаток. Единственными моими душевными друзьями были дети, по большей части из простолюдинов, товарищи по играм принца и моего сына. Родители не запрещали им заглядывать к нам в покои, чтобы послушать истории или поиграть. А когда они подросли, несмотря на неодобрение родителей, все еще относились ко мне хорошо. Но молодому человеку навечно нянька не нужна.

Когда пришла пора принцу иметь собственные апартаменты, я не стала давить на жалость. Но все же он меня пожалел. Он самолично пошел к королю и просил за мою долгую службу выделить мне комнату на этаже слуг и небольшое содержание. Король дал согласие. Интересно, вспомнил ли он также про мою долгую службу при его дочери, и зачлось ли мне это на пользу или наоборот. Но вопросы мне было задавать не по ранжиру, я просто была благодарна за то, что получила. К тому же благодаря этому я могла зарабатывать немного денег и расположения, присматривая за отпрысками занятых слуг, которым не хотелось покидать выгодную работу ради забот о детях. Так что я осталась в замке, и как минимум трижды в неделю принц

Чарджер заходил навещать меня, часто вместе с моим собственным сыном, так как, несмотря на разницу в положениях, они все еще оставались близкими друзьями.

Принц был тринадцатилетним юношей, когда Король Вирайл призвал его к обязанностям пажа. Он честно завоевал расположение деда, прилежанием в учебе и уважительным отношением. По собственному решению мальчик стал посещать зал суда и изучать работу своего деда. Король приглашал его и сажал по левую руку от себя на застольях и приемах благородных гостей. Пегий Принц показал себя как хорошо воспитанный юноша, образованный в речах, пении и танцах. Участвуя в состязаниях Спрингфеста, он проявил себя достойно, если не превосходно. Он все еще был немногословен и скромно одет, но начал привлекать сыновей низшего дворянства, которым было наплевать на его происхождение и пятна на лице. И все же из числа сыновей благородных герцогов и их высшего дворянства немногие изволили удостоить его внимания. По большей части они уже отдали свою дружбу и преданность Канни Видящему, сыну Стратеджи Видящего, Герцога Бака. Эти блистательные и горделивые молодые люди в своем кругу называли себя Двором Канни. Что дало начало злой шутке: они прозвали Пегого Принца и его окружение Пестрым Двором, как за разную степень чистоты кровей, так и за пятнистую окраску Чарджера. А среди его последователей был и мой родной Редбёрд, как всегда верный и говорящий принцу только правду.

В то время Канни Видящий был бодрым, статным мужчиной, в свои тридцать четыре года еще не женатым. Некоторые называли его сумасбродом, острым на язык и любителем биться об заклад, принимать любое пари. Все это верно и много раз было засвидетельствовано моим Рэдбёрдом и его учителем Коппером Сонгсмитом, вечерами развлекавших свиту Канни. Канни был не из тех, кто отступает перед вызовом, и риски, на которые он шел ради победы, были немалые, но все благородные юноши и девушки только сильнее любили и превозносили его за это. Шесть Герцогов начали поговаривать промеж собой, что, несомненно, он Видящий по праву крови, да только годы идут, а Король Вирайл что-то не торопится назвать его Королем-в-Ожидании, ну а ведь если объявит, так кто ж пойдет супротив. Герцог Стратеджи Видящий не делал попыток пресечь эти разговоры, но когда они достигали ушей Канни, тот только пожимал плечами и говорил, мол, таков уж Король Вирайл,

ему нужно время. С годами он стал к этому добавлять — обращая все в шутку — что скоро придет и его время. И все же Канни Видящий всегда при этом улыбался, так что никто не мог сказать, что он жаждет чужого трона. Для всех было очевидно, что других претендентов-то и нет.

В то же время стали набирать силу и влияние те, кто поддерживал Пегого Принца. То и дело он обращался к своему деду, Королю Вирайлу, с просьбой даровать земли тому-то, повысить выплаты с налогов такому-то. Члены Пестрого Двора стали чаще бывать в Оленьем Замке, сопровождая принца с королем на охоте, прислушиваясь к болтовне застолий. Влияние их росло. Чарджер не ограничивал свой дружеский круг младшим дворянством. Каждого обитателя замка он знал по именам, и детей их тоже. Некоторые из благородных распознали в нем добродетель, и не раз я слышала, что, несмотря на дефект кожи, во всем его облике явственно проступали черты Видящих.

Мой же Рэдбёрд стал менестрелем принца и пел для него и друзей не только о славных подвигах прошлого, но, уже как подмастерье, начал слагать собственные песни о принце и его деяниях — в основном, об охоте, но порой и о хороших поступках во имя добра.

По большей части, первым слушателем Рэдбёрда была я. И поскольку почерк у меня хороший, я была счастлива записать все, что он спел, так как хотела, чтобы эти великолепные строки остались в памяти не иначе как работа Рэдбёрда Пестрого Менестреля. Да, так его стали звать, и он соответствующе одевался — в красное, черное и белое. Снова и снова мой сын повторял мне, что Чарджер хотел от его песен подлинности, без тени бахвальства. И сочинял именно такие песни. И мне преподал урок, поэтому то, что я здесь пишу — есть правда, и только правда, даже когда меня она не красит. Ибо так я пообещала своему сыну.

В те дни не без оснований заметили, что у каждого члена Пестрого Двора было кое-что общее с Пегим Принцем: в семействе каждого из них проявилась звериная магия. Иногда эти дворяне принимали участие в увеселениях Оленьего Замка: то на праздник приедут, то на охоту, то на танцевальные или музыкальные вечера. Но едва ли реже они охотились или еще как-нибудь развлекались исключительно своей компанией. И если при этом брали с собой

собак, охотничьих кошек, ястребов, хорьков и даже козлов, что ж тут такого?

Кто-то скажет, что на этих частных вечеринках они проводили темные церемонии, творили магию на крови и шкурах животных, принимали звериное обличье. Кто-то скажет, что в этом обличье они совокуплялись с животными и занимались прочей грязной магией. Кто-то скажет, что уже тогда Пестрый Двор поклялся добиться власти для Пегого Принца, и для себя заодно.

Кто-то поет ныне о том, как бешеный бык забодал лошадь Лорда Канни Видящего и чуть не убил его самого. Кто-то болтает о воронах, которые рассаживались на ветках напротив его окон и следовали за ним везде, охотился ли он в поле или прогуливался в саду в обществе дамы. Болтают, что в те годы Пегий Принц посылал своих товарищей в зверином обличье следить за Лордом Канни, выведывать его тайны и по возможности вредить ему. Но ни один истинный менестрель о таком петь не станет, ведь это подлейшая ложь. Я знаю, потому что в этом заверил меня мой Рэдбёрд.

Так обстояли дела в год, когда Пегому Принцу исполнилось семнадцать.

В тот год, одним ясным летним днем, Король Вирайл Видящий призвал своих герцогов и герцогинь к себе на пир. Он вволю накормил их, а уж вино текло — куда там зимним дождям. Когда же все насытились и разомлели, Король Вирайл подал знак. Вошел паж, несущий корону Короля-в-Ожидании — ее возлагают на того, кто готовится стать следующим монархом Видящих. Семнадцать лет прошло с тех пор, как ее видели в последний раз! На синей бархатной подушечке паж положил ее перед королем. Все глядели в изумлении, а Лорд Канни Видящий, который явился вместе с отцом, хотя его самого и не приглашали, улыбнулся, полагая корону уже своей.

Король Вирайл встал, согбенный годами, однако все еще величественный. Он обратился ко всем, сначала прося прощенья за безумства своей молодости, но все же выразив надежду, что в последние годы правил справедливо. Благородные гости ударили по столу и согласились с этим. Затем король сказал, что чувствует тяжесть прожитых лет и что созрел для того, чтобы подготовить себе преемника, который займет его трон. Он говорил о молодом юноше, выросшем среди них, хорошо воспитанном и скромном. Канни Видящий лучился улыбкой, будто рассветное солнце. Но вот король

снова подал знак, и в пиршественный зал вошел Пегий Принц. Однако таким его до сих пор не видели: шел он гордой походкой, одетый в царственный синий цвет Оленьего Замка, рукава все вышиты серебряной нитью. Он поднялся на возвышение и встал перед всеми рядом с королем. Какое-то время все молча смотрели на него. Он был статен, высок, широк в плечах, только темные пятна на его лице были все так же густы и шли рябью, когда он хмурился или улыбался. И все же, несмотря на свои отметины, он был ладным юношей, а без них и вовсе слыл бы красавцем.

Король Вирайл положил руку на плечо внука и заявил, что без разницы, кто именно был отцом этого парня, он, без сомнений, настоящий сын Королевы-в-Ожидании Каушен, и в его жилах столько же крови Видящих, сколько в любом законнорожденном. Тем самым король официально признал Пегого Принца своим наследником, нарек его Королем-в-Ожидании Чарджером и просил своих дворян принять его в этом титуле и объявить готовым принять корону Короля-в-Ожидании.

Тишина наполнила зал, будто придавив всех. Затем, без тени радости, но с выражением долга на лице, Герцог Тилт заявил, что склоняется перед волей своего короля. Потом его поддержал Беарнс, за ним — герцогиня Фарроу. Герцог Риппон поднялся и лишь молча поклонился, будто боялся выплюнуть какую-то гнилую рыбу, попавшую ему в рот.

За это время лицо Герцога Бака наливалось кровью, пока не начало походить на лицо мертвеца. Когда он все же поднялся — словно вспрыгнул на ноги — то сказал: «Так вот как ты платишь за годы верной службы, брат мой? Сажаешь ублюдка на трон Шести Герцогств?»

Но тут встал Канни Видящий и, подойдя к отцу, схватил того за рукав и стал о чем-то просить его, но шепотом, так что никто не слышал. Грудь Герцога Бака поднималась и опускалась от гнева, но он взял себя в руки. Прежде чем Король Вирайл смог ответить своему младшему брату, Стратеджи преклонил голову и колено и просил прощенья у короля за грубые слова. «Нетрудно нагрубить в сердцах, когда твоя долгожданная мечта идет прахом. Но все же, король мой и брат, я по-прежнему твой самый верный подданный. Как и мой сын». И затем оба — Стратеджи и Канни из Бака встали и признали выбор короля, павший на Принца Чарджера, отныне Короля-в-Ожидании.

Сначала казалось, что от королевского выбора ничегошеньки и не изменилось, все шло, как и раньше. Чарджер стоял за плечом деда и слушал его судебные решения. Сидел по правую руку за трапезами, носил обруч Короля-в-Ожидании на голове, но, как и раньше, наиболее влиятельные фигуры двора почти не уделяли ему внимания. По-прежнему он проводил все свое время со второстепенными дворянами, с которыми сдружился до получения нового титула. По-прежнему Лорд Канни из Бака возглавлял свой Канни-Двор, и по-прежнему многие аристократы знакомили его со своими дочками в надежде породниться со знатным юношей. Ведь он единственный сын Герцога Бака, и пусть Пегий Принц теперь наследник трона, Лорд Канни по-прежнему наследник их сердец.

Возможно, немногие, помимо моего Рэдбёрда, понимали: тот, кому принадлежит верность большого количества незначительных людей, обладает властью едва ли не большей, чем тот, кто завладел сердцами немногочисленной элиты. Король, как подобает, начал передавать бразды правления Королю-в-Ожидании. В спорах дворянства место судьи занимал когда король, а когда и Чарджер. Тогда-то лорды Шести Герцогств и начали жаловаться на склонность Чарджера принимать решения в пользу своих фаворитов, правы они или нет. В то же время, были и такие, кто доказывал обратное, утверждая, что судит он мудро, без оглядки на богатство или знатность, а только по тому, прав человек или не прав. Каждый из них уверен в своей правоте, я же только повторю то, что Рэдбёрд описал в своих песнях. Чарджер был честным судьей, истину ценил превыше дружбы и расположения.

Король-в-Ожидании стал укреплять связь с теми, кто был ему предан. Каждому из друзей он подарил по пегой лошади из помета Пятнистого Жеребца, и на охоту они ездили вместе, взяв с собой пятнистых гончих. Так принц из предмета насмешек сделал себе личный символ, сила его духа многих привела в восторг. Его менестрель Рэдбёрд отказался от ярких одежд своей гильдии и предпочел носить красно-черно-белое в знак того, кому он служил.

Пегий Принц жаловал земли и устраивал особые развлечения для своих друзей. Туда допускались и звери-спутники, те же, кто не обладал Уитом, часто брал с собой наделенного Уитом слугу или сопровождающего, и вскоре стали считать, что обладание этой магией было хорошим способом расположить к себе Короля-в-Ожидании. Не всем это было по нраву, особенно тем, кто

презрительно заявлял, что нажить добрый ум и характер куда важнее, чем родиться с сомнительным даром. Но таких разговоров было немного, и если Канни со своим отцом на что-то досадовали, то дальше их недовольство не шло.

И вот, одним утром король проснулся и почувствовал себя нехорошо. Левая рука его лежала на одеяле совсем похолодевшая, половина лица обвисла, слюна сочилась по губам. Левое веко безжизненно опало, и ему трудно было выговорить слова, чтобы объяснить лекарю, что с ним случилось. Сейчас любят болтать, что в тот самый миг, когда у короля случился удар, огромная черная птица опустилась на парапет за его окном и так и сидела там день и ночь. Да только те, кто болтает, пытаются в пророков играть, когда дело уже свершилось давным-давно. Никто не заметил никакой птицы по той простой причине, что оконный парапет был облюбован всеми пернатыми тварями в округе. Те, кто распевает подобные песни, одного поля ягоды с пустомелями, которым подавай драконов да эльфов. Правда же в том, что Король Вирайл состарился, и старость принесла с собой болезнь.

Болезнь длилась долго. Весь двор ухаживал за королем, добывая для него снадобья от разных лекарей, но время шло, а королю не становилось ни хуже, ни лучше. Тогда обязанности его взял на себя Король-в-Ожидании, но все же королем себя пока не объявил — как же, ведь Король Вирайл был еще жив и может поправиться. Среди тех, кто говорил так, был Канни Видящий, только он делал это негромко в кругу друзей, а уж те поднимали свой голос: мол, негоже Королю-в-Ожидании примерять королевскую мантию, пока Король Вирайл ее самолично не предложит или не испустит дух. Герцоги тоже не упрашивали его принять корону. Так что Чарджер Видящий оказался в непонятной ситуации: не король, не принц, и что не выберешь — уклониться от власти или же взять ее в свои руки — всяко будешь плох.

Однажды ко двору приехали Лород Элфуайз со своей Леди Кьярт, чтобы предложить Королю Вирайлу снадобье, производимое исключительно в долинах поблизости от их владений в Беарнсе. С ними была их дочь, Леди Уиффен. Снадобье никакой пользы королю не принесло, но их никто в том не винил. Сколько таких снадобий уже оказались бесполезными! И все же Коппер Сонгсмит рассказывает о том, что привезли они с собой падение Пегого Принца. И имя тому падению — Леди Уиффен. И тут, пожалуй, песня

Коппера Сонгсмита не врет.

Была ли Леди Уиффен красавицей? Да, но не так как можно себе представить. От матери она унаследовала голубые глаза, от отца — волосы цвета полночи. Коппер Сонгсмит говорит, что ходила она словно фехтовальщик, танцевала, словно бабочка, смеялась музыкой ветра. А также что ела она, словно солдат, пила, словно бездонная бочка, а похабные песенки пела больше с чувством, чем с талантом. Коппер говорит, она была настолько непохожа на благовоспитанную леди, насколько это вообще было возможно. И, тем не менее, эта женщина сумела покорить не только Короля-в-Ожидании Чарджера, но и его кузена Лорда Канни. Так поет об этом Коппер Сонгсмит, и я записываю за ним, но Рэдбёрд тут ему не подпевает. О Леди Уиффен он говорит только то, что она явилась в Олений Замок и что Лорд Канни и Король-в-Ожидании Чарджер сочли ее милой и привлекательной.

Они стали осыпать ее подарками и вниманием, к немалому удивлению ее родителей и к нескрываемому удовольствию ее самой. Пегая кобыла, кольцо с тремя изумрудами, музыкальная шкатулка, Джамалийский гобелен, Бингтаунские бубенцы, духи из Кандалэя… каждый подарок соперников был дороже предыдущего. Два менестреля встретились в лунном свете под окном ее спальни и подрались, выкрикивая имена своих господ, и угомонпились лишь под потоком холодной воды, которую сама леди извергла на них. Какое-то время эти проделки служили только на потеху обоим дворам Оленьего Замка, и никто не упрекал леди за то, что она не может выбрать между двумя столь настойчивыми кавалерами. Она могла покататься верхом с одним, пообедать с другим, а вечером потанцевать снова с первым. Лорду Канни на именины она подарила серебряную чашу. На день рождения Короля-в-Ожидании она подарила поясной нож с головой оленя на рукояти. Одни считали, что она всего лишь деревенская девчонка, попавшая во дворец, понятия не имеющая, как себя вести со столь блистательными воздыхателями. Другие поговаривали, что ее отец настаивал на расточении улыбок Лорду Канни, а мать — наоборот, Пегому Принцу.

По этому поводу Рэдбёрд сказал так: возможно, дело в девушке и ее чарах, но, скорее всего, она была не более чем предмет для соперничества и повод для того, чтобы давний раздор обернулся скандалом и кровопролитием. Состязание, в которое они вступили с момента рождения Пегого Принца, наконец-то приобрело ту форму, в

которой можно было одержать чистую победу или поражение, не опасаясь осуждений или, тем паче, обвинений в измене короне Шести Герцогств. Останови Леди Уиффен свой выбор на том или другом, возможно, их увлечение испарилось бы через пару недель. Но при нынешнем раскладе недосягаемый предмет вожделения добавил желчи их спору, и подспудная война, наконец, вылилась наружу.

Рэдбёрд как-то сказал, что мнения могут содержать правду, но только правда должна быть свободна от мнений. Так что ради него я скажу теперь не то, о чем судачили, а то, что случилось на самом деле. Леди Уиффен не объявляла избранника. Прошли недели, потом и месяцы, то, что раньше забавляло придворных, теперь больше раздражало и даже вызывало открытую враждебность. В Канни-дворе шептались, мол, Чарджер уже украл у Лорда Канни трон, а теперь еще и пытается увести возлюбленную. Пестрый Двор парировал, мол, Леди Уиффен не обещала покамест свою руку никому, а значит, законный король был в том же праве ухаживать за ней, что и любой другой. Ссора перешла от грубых жестов до оскорблений, но не в открытую между соперниками, а всегда среди их свиты.

Однажды за стенами Большого Зала клинки покинули ножны и пролилась кровь — и все из-за слова, которое кто-то сказал о чужом господине. То был Лорд Ульдер из Черноземелья в Баке, чья кровь окропила снег, и пролил ее Лорд Элквин, держатель маленького феода у Башенной Скалы в Фарроу, из свиты Пегого Принца. Схватка была короткая и честная, возможно, ее бы замяли, если бы рана Ульдера не загноилась и не воспалилась. Не прошло и недели, как он скончался, и поползли слухи о грязи на клинке Элквина, которую нанесли нарочно, чтобы вызвать заражение. Первой же ночью после кончины Ульдера кто-то наведался в конюшни. Прежде чем тревога, поднятая лошадьми и собаками, обратила негодяя в бегство, погибла добрая дюжина пегих скакунов. Говорили, этот низкий удар нанес младший брат Ульдера Кёрл, но поскольку ни один менестрель не засвидетельствовал этого, то ни один теперь и не может петь об этом, словно бы о правде. Так что я излагаю это так, как сделал бы сам Рэдбёрд.

Но и ему знать не дано, сколь сильный это был удар по той дюжине людей Короля-в-Ожидании, чья душа была связана узами Уита с погибшими лошадьми. Трагедия была равносильна тому, как если бы их возлюбленных жен зарезали во сне. Смерти потрясли их так сильно, что некоторые обезумели от слез, иные впали в

молчаливую скорбь, а кое-кто и умом тронулся, и все это вызвало волнения в Оленьем Замке, и много было дано клятв мести. Более других казался сокрушенным Лорд Элквин из Башенной Скалы, тот, кто сразил Лорда Ульдера в честном поединке. Он упал на колени рядом со своим мертвым конем и рвал на себе волосы и бороду до крови, расцарапал лицо и выл, словно рожающая женщина.

В конце концов к нему вызвали лекаря, с травами и пиявками, дабы изгнать безумие. Много дней и ночей Лорд Элквин лежал в своей комнате и не произнес ни слова ни одному человеку, даже самому принцу, который навещал его и умолял прийти в чувства.

Надобно сказать, что любимый пегий конь Чарджера тоже был зарезан, но Пегий Принц от этого в уныние не впал. Он горевал, как горевал бы любой всадник, и был полон сочувствия и не жалел слов утешения для своих друзей, наделенных Уитом. Но если трус, убивший лошадей в стойлах, надеялся тем навредить принцу, то это ему не удалось. Ибо его Уит-зверем был не конь, как долгое время предполагали. Зверь, с которым Принц Чарджер делил душу и разум, был тайной за семью печатями, которую тот берег даже от своей Уит-свиты. Слишком опасно было знать, какое существо связало свою жизнь с Королем-в-Ожидании. Так что Чарджер, пусть и скорбящий по своим друзьям, сохранял спокойствие, хотя вокруг него Пестрый Двор взывал к кровавой расправе. Несмотря на обещание Короля-в-Ожидании найти и наказать виновного, многие громко заявляли, что никакое наказание не будет достаточным для такого позорного преступления.

Даже тогда разумные головы все же взяли бы верх, да только на следующий день король одеревенел на своем ложе, потом забился в агонии и испустил дух. Лекарь, который находился при этом, позже божился, что в тот самый роковой момент черная птица снялась с оконного парапета и взлетела в небо, словно возрадовавшись смерти короля. Из такой мелочи, как эта история, и выросли слухи о подлых деяниях и темнейшем предательстве. Одни в своем невежестве заявляли, что черная птица украла и унесла с собой квинтэссенцию жизни короля. Другие — что это был Уит-зверь кого-то из Пестрого Двора и что он разнес радостную весть о смерти, которая возведет их принца на престол. А кто-то был уверен, что это был сам король, обращенный в черную птицу и обреченный на такую жизнь благодаря темной магии своего ублюдка-внука. Сколько еще диких и глупых россказней выросло из слов лекаря об улетающей с карканьем

черной птице, будто бы это было самой неестественной вещью в мире, на какую нормальная птица не способна. И все эти басни только добавили жару в закипающую при дворе распрю.

Хоть Канни и Чарджер оба срезали прядь волос в знак траура, и этому примеру последовали их свиты, воздавая должное уважение почившему королю, мало кто говорил о его смерти с грустью и печалью. Нет. Только и разговоров было о том, признают ли герцоги Пегого Принца законным королем или заявят на эти права Лорда Канни, разорвет ли Шесть Герцогств на части кровавая гражданская война? Слишком быстро забыли доброго Короля Вирайла. В тот день мало кто осознавал, насколько мудро он правил, сохраняя мир на своих землях.

Сейчас интересно вспомнить, что именно молодые земельные лорды и леди открыто признавали свою верность одному из двух соперников. Как говорит пословица, пока молодые сердца поют во весь голос, старые головы правят. Так оно и было, когда настало время герцогам утвердить Короля-в-Ожидании как полноправного короля. Каждый из них поднимался и ни один не преминул напомнить, что у всех границ Шести Герцогств стоят враги, которые обязательно нанесут удар, если мы не будем стоять друг за друга как за одного. И каждый герцог или герцогиня из говоривших присягали на верность Пегому Принцу.

Последним встал Стратеджи Видящий, Герцог Бака. Позади сидели его жена, побелевшая лицом, и сын, а глаза Канни Видящего были так черны, словно из них ушла вся жизнь. Стратеджи начал речь с того, что говорит не только за себя, но и от лица своего сына Канни, которому быть Герцогом Бака в свой черед. Его желание и желание всего их рода — в том, чтобы Шесть Герцогств не были разделены междоусобицей, но оставались сильны в своем единстве. Ибо никто в его семье, подчеркнул он, не любил ничего более своей родины. Процветание всех людей, сказал он, куда более важная цель, чем чьи бы то ни было амбиции, и поэтому он преклонит колено перед Чарджером, законным королем, которого выбрал в наследники его брат. И тогда, ко всеобщему изумлению, его сын поднялся с места и тоже преклонил колено рядом с отцом, склонив свою голову перед соперником.

Король Чарджер, более не Король-в-Ожидании, принял эту присягу, сначала побелев настолько, что пятно на его лице походило

на черную плесень на белом сыре, а затем покраснев, чувствуя, как бьется кровь в висках. Ибо своим жестом оба — и Герцог Стратеджи, и его сын Канни — завоевали признание всего двора, который воспринял его как благородную жертву уважаемых людей. Вот так вышло, что, уступая трон своему сопернику, Канни и его отец завладели сердцами даже многих из тех, кто не жаловал их раньше.

Кто-то говорит, в тот момент Канни и покорил сердце Леди Уиффен. Сомнительный это сюжет для любого менестреля, ибо откуда известно, в какой момент сердце леди склоняется к сердцу лорда? Редбёрд предостерег меня от этого, одобрив только утверждение, что все выглядело именно так, потому что на пиру в честь нового короля она уселась рядом с наследником герцогства Бак, хотя ей было предложено почетное место по левую руку от Чарджера. Странный это был праздник, так как тот, кого чествовали, не мог отвести глаз от отвергшей его дамы, а гости его стола все еще скорбели о потере своих Уит-зверей, говорили мало, ели и того меньше. Не самый многообещающий знак для предстоящего славного правления, и так оно и вышло.

Итак, Король Вирайл умер с приходом весны, а на Спрингфест Чарджер уже надел корону на свое отягощенное Уитом чело. Но с удлинением светлых дней правление нового короля не процветало, а словно бы иссыхало. Затяжные холодные дожди проливались в почву, которой давно бы пора прогреться. Все, что успели посеять, сгнило на корню, а прибрежные штормы застопорили торговлю, товары задерживались или успевали испортиться в пути. Некоторые менестрели позже споют, что такая ужасная погода предвещала все, что случится в дальнейшем, но по правде, как завещал мне говорить Рэдбёрд, это была всего лишь погода, которой нет дела до дел человеческих.

В этой промозглой весне, казалось, удалось расцвести лишь одному цветку, и то было раскрывшееся сердце Леди Уиффен. Ухаживание Лорда Канни набрало силу, и вместе они являли собой такую чудесную пару, что менестрели воспевали в песнях их любовь, смягчившую ее нрав и сподвигнувшую Лорда Канни на подвиги в честь возлюбленной. В ее честь он сразил медведя, зарезавшего больше дюжины голов скота в стаде Бакского фермера. В ее честь он устраивал пиры, на которых она восседала на почетном месте, будто королева, разодетая в меха, шелка и драгоценности, подаренные им.

Было объявлено, что они поженятся, как только ее родня сможет прибыть для свадебной церемонии. Лорд Канни самолично предстал перед Королем Чарджером и просил его позволения принести брачные клятвы перед Каменными Свидетелями Бака и станцевать свадебный танец в Большом Зале. Как Король Чарджер мог отказать ему в этом, не выглядя злобным и мелочным? Он позволил, хотя каждый видел, что сердце его было разбито. И судьбе было угодно, чтобы сразу же после объявления свадьбы распогодилось, и весна ринулась во все уголки, словно наверстывая упущенное.

Так и вышло, что Король Чарджер возглавил свадебный пир женщины, которую раньше надеялся заполучить сам. Он усадил Лорда Канни по правую руку, Леди Уиффен по левую, на лице его гуляла улыбка, но глаза были пусты. После первого танца молодоженов улыбающийся Лорд Канни передал руку жены королю для следующего танца. Что сказал ей Чарджер, пока они двигались в ритме музыки, ни один настоящий менестрель не слышал и ни один настоящий менестрель не станет утверждать. Одни злословили, мол, он угрожал ей, ее семье и всему дому местью наделенных Уитом, если она не склонится перед его желаниями. Другие — будто он нашептал ей лукавым языком своего папаши слова, которые зачаруют любую девушку. А кто-то — мол, достаточно было излить боль разбитого сердца на языке отвергнутой любви и разрушенных надежд, от которого сердце девичье крепко сжалось. Никто из людей наверняка не знает, что было сказано на самом деле, пока они кружились и кланялись, поэтому ни одной правдивой песни об этом не существует. Но что бы то ни было, все отметили, что Леди Уиффен, которую король возвратил ее лорду, была какая-то пристыженная и впоследствии не казалась больше ни веселой, ни охочей к танцам. Все чаще и чаще взгляд ее метался от Канни к Чарджеру, и кто-то скажет, она сожалела о сделанном выборе, глядя на тягостно размышляющего, страдающего от любви короля, который одиноко сидел за столом на возвышении.

Как бы там ни было, теперь уже было поздно что-то менять.

Молодожены проследовали на брачное ложе под непристойные жесты и шуточки. После их ухода двор продолжал танцевать и пировать, поднимая тосты с пожеланием молодым счастья и детишек побольше. Король также остался сидеть в своем кресле, жизнерадостный, как покойник, да и присоединившиеся к нему в тот вечер также были угрюмы, ибо были из числа тех, кто потерял своего

Уит-зверя из-за резни в конюшне. Какие-нибудь фальшивые менестрели станут петь, что в первый раз за все время после трагедии Лорда Элквина с Башенной Скалы видели на ногах и при параде. Но это ложь. До этого свадебного пира уже дней шесть как Рэдбёрд наблюдал его гуляющим каждое утро по саду под руку со своей женой, внешне мрачным, и, тем не менее, опрятно одетым и с сухими глазами. Вот это правда, и петь об этом надо так. Но правда также и то, что это был первый пир, на который он явился после смерти своего Уит-зверя, его одежда и поведение все еще свидетельствовали о глубоком трауре. Многие тут оделись строже, чем подобает для столь радостного события, а некоторые напивались, словно хотели заглушить боль, а не отпраздновать свадьбу. Казалось, говорили потом, тьма клубилась в том конце зала, где собрался Пестрый Двор, и последующие события были спланированы за королевским столом, да только ни один менестрель не стал тому свидетелем, так что и петь об этом не станет.

Как бы там ни было, спустя две ночи, прежде чем разъехались по своим домам гости, прежде чем Лорд Канни отвез свою жену в родовое гнездо Герцогства Бак, в Оленьем Замке свершилось убийство. Маленькую девочку, дочку Лорда Кёрла из Черноземелья, который доводился братом почившему Ульдеру, нашли в конюшне. Ей не исполнилось и семи лет, и непонятно, что она делала в конюшне ночью, но поутру ее нашли именно там. С перерезанным горлом, прямо в стойле, в котором погиб конь Лорда Элквина с Башенной Скалы. Одни менестрели скажут, мол, одно это доказывает, что убийство — его рук дело. Но любой дурак, поющий или нет, легко догадается, что доказывает это как раз его невиновность, что не может человек в здравом рассудке оставить такой недвусмысленный знак своей вины на месте столь гнусного преступления.

Вот так ответил Король Чарджер собравшимся в зале суда, когда Лорд Кёрл из Черноземелья обвинил во всеуслышание Лорда Элквина с Башенной Скалы. Это разбирательство не принесло удовлетворения ни одной из сторон, так как любое выступление заглушалось криками. С одной стороны зала Пестрый Двор бросал в Лорда Кёрла обвинительные речи и взгляды как убийце Уит-лошадей, с другой — Канни-двор выкрикивал, мол, зарежь хоть сотню лошадей, это не станет веской причиной для убийства ребенка. А с галерки кто-то, больше озлобленный, чем храбрый, прокричал,

что герцоги глупцы, если ждут правосудия от сына Калсидийского зверомага. Король было пытался держать себя в руках, но после такого оскорбления сощурил глаза в гневе — и тут менестрели любят добавлять, что ноздри его трепетали, а голова откинулась назад, как у взбесившегося жеребца.

Но есть и такие, что поют точнее, как и Рэдбёрд: да, он очевидно был возмущен, но стиснул зубы и не дал сорваться необдуманным словам. Мерзкое оскорбление расточилось по залу, словно свертывающаяся кровь, и на мгновение установилась тишина. Но потом крики зазвучали с новой силой, в них ярче проступала злоба и ярость.

Невозможно было призвать всех к порядку, даже когда Король Чарджер велел страже следить за тем, чтобы каждый дворянин говорил по очереди. В конце концов он приказал всем покинуть зал и объявил, что через три дня суд соберется вновь ради торжества справедливости и здравомыслия. Да только Канни-двор роптал на то, что Лорода Элквина в темницу не заточили, а только отправили в свои гостевые покои да приставили стражников, и не ареста ради, но чтобы ограждать его персону от посягательств. Куда там, ведь король уже принял решение, и жизнь пегой лошади ему дороже жизни нежной дщери своей собственной страны!

Возможно, Лорд Канни честно пытался утихомирить кипучие воды, когда вечером собрался со своими ближайшими друзьями, среди которых был и Лорд Кёрл из Черноземелья, и возвысил свой голос над этим бурлением. Да только это вряд ли.

Злобный шепоток перерос в рев, которому поддали жару слухи о том, что пока Канни выпивает в кругу друзей, короля, между прочим, видели гуляющим в саду при луне, да не одного, а под ручку с Леди Уиффен из Бака.

Сплетня пронеслась по Оленьему Замку, словно лесной пожар. Лорд Канни предстал перед королем на следующее утро перед завтраком, волоча по лестнице свою жену за руку. Та была бледна, заплаканные глаза покраснели, волосы в беспорядке разметались по плечам. Прямо перед всеми Канни обвинил короля в попытке наставить ему рога, не прошло и недели со дня свадьбы. На глазах у всего двора они поссорились не как король и его лорд, а как кузены, равные друг другу, выпаливая гневные слова и припоминая застарелые обиды.

И все это время Лорд Канни крепко сжимал запястье жены, так что меж пальцев плоть ее вздулась, покраснела и уже начала чернеть. Когда король упрекнул его за это, Лорд Канни ответил, что ныне это его жена, и он будет делать с ней все, что пожелает. Прежде чем король, чье лицо стало бело-черным, смог что-то ответить, заговорила Леди Уиффен. До этого стоявшая смирно с побелевшим лицом, она вскинулась и впилась в мужнино лицо ногтями. Довольно и того, что ее позорят перед всеми, когда она ни в чем не виновата, кричала она, да только не станет она молчать, если ее называют вещью какой-нибудь и чьей-то собственностью. Как только муж выпустил ее руку и схватился за расцарапанное в кровь лицо, она вспрыгнула по ступеням наверх, за спину к королю, а тот закрыл ее руками и заявил, что отныне она под его защитой.

Прибыла наконец королевская стража. Медвежьим рыком Чарджер приказал им спустить Лорда Канни и его людей с лестницы. Они выполнили это, пролилась какая-то кровь, но без серьезных ранений. Коппер Сонгсмит стоял там, у нижних ступеней, рядом с дворянами Канни, а Рэдбёрд наверху, позади короля и Леди Уиффен, и оба они видели все и слышали каждое слово, и поэтому я могу поклясться, что пишу здесь чистую правду. Отступая перед обнаженными мечами, Лорд Канни поклялся отомстить за то, что разум его жены не иначе как затуманен магией Уита, что Король Чарджер околдовал ее. На что Король Чарджер проревел, мол, как может тот трепать языком о вещах, которых не понимает, если не понял, что за ужас и боль причинил трусливый его приспешник Лорд Кёрл из Черноземелья, убивший пегих лошадей и сам навлекший на себя другое несчастье.

Все присутствующие слышали это неосторожное обвинение, и многим подумалось — даже Рэдбёрду Правдопевцу — что словами этими король расписался в том, что находит смерть маленькой дочки Лорда Кёрла равноценной платой за смерть дюжины лошадей. Еще до наступления темноты каждое ухо в Шести Герцогствах ознакомилось с опрометчивым высказыванием короля. Рэдбёрд велел мне записать также и то, что король в раскаянии сказал ему позже: что слова те опередили разум, что никогда он не хотел вызвать скандал и намекать на чью-то вину. Может ли какой человек, важный или простой, сказать, что в гневе никогда не говорил напрасных слов? И все же как менестрель, преданный истине, Рэдбёрд просил меня записать, что король действительно произнес эти злые слова. К

вечеру по всему Оленьему Замку и городу разнесло не только их, но заодно и гнусные сплетни о Леди Уиффен, которая якобы теперь не только под защитой короля, но и званная гостья в его спальне. И это при том, что со времени столкновения на лестнице Чарджер ни на минуту не оставался один, Рэдбёрд мог в этом поклясться.

Случилось все это накануне Солнцеворота.

Что же пели лживые менестрели, пели так долго, громко и часто, что вскоре все поверили в их вранье? Пели они о том, что Лорд Канни из Бака, сокрушаясь о судьбе Шести Герцогств, преданных Королем Чарджером и его колдунами-лордами, собрал верных дворян и договорился с ними, что сойдется с Королем Чарджером в честной схватке один на один в полдень Летнего Солнцеворота. Они пели и пели, громко, долго и постоянно, что в этот час магия Уита наиболее слаба. Они пели, что все это задумал Лорд Канни из любви к Шести Герцогствам, и не более того.

А теперь прочтите, что я напишу. Дрались они ради переменчивой женщины и мертвого ребенка, ради трона и мужской гордости. Никто не способен был заранее измыслить тот поток событий, который принес свои плоды в День Летнего Солнцестояния. Я служу истинному менестрелю и пишу здесь только то, что поведал мне Рэдбёрд, ухо к губам, а в этом у него не было причин лгать, будь он сто раз вруном.

К восходу солнца Олений Замок поделился на два лагеря. Свита Канни и их разнообразная охрана нагло разгуливали в стенах королевской крепости, вооруженная до зубов, люди короля от них не отставали. Не в зале судилищ, а прямо на лестнице, ведущей из королевской спальни, в окружении своих гвардейцев Король Чарджер объявил, что Лорду Элквину обвинений не предъявят, ибо нет свидетельств его вины, как не было свидетельств против убийцы пегих лошадей. Может, он и думал, что такое заявление склонит к миру обе стороны, так как ни за убийство лошадей, ни за убийство девочки, совершенные в горестном помешательстве, привлекать к ответственности никого не станут. Если он так думал, то не мог ошибаться сильнее. Каждая из сторон считала себя пострадавшей неизмеримо больше. Может быть, стоило попробовать предложить обеим сторонам хоть какую-то сатисфакцию. Пошли он двух дворян на поединок до смерти, кончено, это было бы кровопролитие, но в куда меньших масштабах, чем предстояло теперь.

Не успел Король Чарджер договорить последних слов, как женщина, днём ранее искавшая у него защиты, в голос ужаснулась «произволу без права на справедливость!» Если его слова были взвешены, а голос спокоен, то она, выпучив глаза, просто-таки визжала от ярости: мол, ни одна женщина, без разницы, наделенная Уитом или нет, не признает зверя, пусть и собственного Уит-зверя, равноценным ребенку из чрева своего, мол, «бессчетные табуны зарезанных лошадей не уравновесят чаши весов, на которых — дитя, убитое в конюшне среди навоза и сена».

Леди Уиффен выплеснула свои гневные слова в тот самый миг, когда король замолчал — никто и вдохнуть не успел. Рэдбёрд отметил, что король уставился на нее в ужасе, раскрыв рот.

В следующую минуту она пронеслась мимо него вниз по ступеням, отпихнув с пути солдат, которые сами не расступились, и оказалась рядом со своим мужем. Заняв свое место, она оглянулась на Короля Чарджера. Лорд Канни из Бака не тронул ее, хотя взгляда не удостоил. Наступила мертвая тишина.

Тут плечи Короля Чарджера опустились, как будто нечто важное покинуло его, возможно, заодно вынув сердце. Возможно, он пожалел о своих словах, так ясно показавших, что чувства наделенного Уитом никогда не найдут отклика в обычном человеке. Больше он не говорил, не сделал и попытки защитить свое мнение. Он отвернулся от всех, поднялся в свою спальню и запер за собой дверь. Стража услышала, как опустился засов, и заняла свой пост по обе стороны двери.

Как бы то ни было, Рэдбёрд встретил одинокого Короля Чарджера на прогулке. Эта встреча была случайна: как только король удалился в свои покои, Рэдбёрд отправился в благоухающий сад в попытке приободриться. Как любой менестрель в те времена, он пользовался привилегией неприкосновенности своей гильдии и несмотря на смуту ходил, где ему вздумается. Пальцы его годились лишь для струн, а голос — для пения. Ни для кого он не представлял угрозы — ни для мечника, ни для лучника…

И там он увидел Короля Чарджера, с поникшей головой, руки сцеплены за спиной, идущего извилистой тропинкой меж тимьяна к старым вишням. Рэдбёрду показалось, что король настолько был обескуражен и погружен в уныние, что утратил рассудок. Большой опасностью для Чарджера было бродить снаружи, без оружия, когда

столько дворян ярились на него, и все же менестрель не осмелился побежать за охраной, ведь тогда пришлось бы оставить короля одного. Боялся также Рэдбёрд и того, что поспешный призыв стражи может запалить пожар событий, которых хотелось бы избежать. Так что он тихо поприветствовал Чарджера и, не задавая никаких вопросов, молча пошел рядом. Сейчас никакая песня не могла бы утешить короля или придать мудрости его сокрушенному сердцу. Только молчание и время могли помочь ему яснее увидеть ситуацию. Молчание и время подсказали бы, как справедливо удовлетворить всех. Молчание и время много чего могли, но ни того, ни другого ему не было дано.

Пока он прогуливался с Рэдбёрдом, кто-то вошел в тот же сад. Вдруг Чарджер тряхнул головой, будто проснулся от долгого сна. По всей видимости, он более-менее пришел в чувство. «Убийцы идут, — сказал он менестрелю. — Здесь не место для певцов. Беги отсюда, братишка. И пой только правду». И Рэдбёрд, душа в пятках, забрался в раскидистую крону вишни на краю сада и притаился на ветке. Кто прочитает, подумает о нем дурно, как, впрочем, он и сам о себе думал, но велел мне честно рассказать о своем позорном поступке, так что пусть знают все: рассказывает он лишь правду, и потому нет причин сомневаться во всей остальной истории. Он не носил оружия и не знал, как им управляться. Что было у него — так это голос и язык, смотрящие глаза и запоминающий ум. В конце концов, это все, что он мог предложить для защиты своего короля.

И в следующий миг он убедился, что король был прав. Откуда они знали, что найдут его здесь, ни я, ни Рэдбёрд не знаем. Убийцы пришли по одному и по двое, каждый нес обнаженный клинок, сияющий в лучах Солнцестояния. Лица их также были обнажены — без искусственных улыбок, полные ненависти, намеренья их были так же неприкрыты, как мечи. По мере их приближения Чарджер повернулся к ним и стал угрюмо ждать. Он стоял один, прислонившись спиной к дереву, и там мужчины окружили его. Вот имена тех, кто пришел туда: Лорд Канни из Бака был там, и Лорд Фенрю из Тилта, Лорд Трэкер из Фарроу, Младший Лорд Лок из Беарнса, едва ли достаточно взрослый, чтобы отрастить усики, и Лорд Скрайвер из Бака, третий кузен короля и Лорда Канни, а также Лорд Холдфаст из Риппона. Никто из них не был полноправным Герцогом, большинство — вторые сыновья, а один — так и вообще без шансов унаследовать титул, но все же они были отпрыски

правящих герцогских семейств. Этих шестерых именуют обычно менестрели, и, истинно, они были там. Но правда в том, что был еще один.

«Ты знаешь, зачем мы пришли», — сказал Лорд Канни королю, а тот — безоружный и окруженный, лишь рассмеялся.

Тут менестрели вставляют длинные речи, которые якобы были сказаны, или описывают, как Чарджер зашипел змеей или завыл волком. Не уставали повторять снова и снова, и уже в те давние дни, как король вытащил меч и зарубил юного Лорда Лока, и как потом Лорд Канни одной рукой сражался с ним, а король превращался то в волка, то в медведя, то в огромного змея, то в огнедышащего дракона, а то в гигантскую ядовитую жабу. О да, много героических песен сложено о том бое. Но правда в том, что король был безоружен, и когда он отступил от дерева, они кружили его со всех сторон. Он не обращал внимания ни на кого, кроме кузена, к которому шагнул со словами: «Ты завладел сердцем моей возлюбленной и верностью моих подданных. Ты практически владеешь моим троном, разве что без титула, и вот почему ты пришел. Забрать мою корону». Так сказал Чарджер, и Рэдбёрд Правдопевец повторил это мне. Король хотел еще что-то сказать, но теперь об этом уже никто не узнает.

Потому что был там и Лорд Кёрл из Черноземелья, он подошел к королю сзади и без оклика или иного звука схватил того за горло, а затем вонзил свой короткий меч ему в спину, проворачивая лезвие в ране.

Лорд Лок вскрикнул в ужасе от подобной низости и бросился оттаскивать гнусного труса от его жертвы. Лорд Кёрл, пылающий боевой яростью, вытащил меч из спины короля и рубанул по горлу юноши, который рухнул, захлебываясь в собственной крови. Тогда все, включая негодяя, в ужасе отступили на шаг, потрясенные этим деянием.

Лорд Канни приказал им: «Опустите мечи! Постойте и подумайте! Как нам лучше рассказать о том, что здесь произошло?»

Над его головой в это время Рэдбёрд заткнул себе рот рукавом. Сердце колотилось от ужаса, горло сжалось от горя, а трусость обездвижила его, только ворон хрипло каркал где-то на верхних ветках. Король лежал лицом в грязи, тяжело ранен, но все еще живой. Он перевернулся на спину и заговорил, почти победно: «Предатель,

все предатели, и будете повешены за это». Его взгляд при этом впился в Лорда Канни. Все поняли, что он имел в виду: и корона, и женщина будут принадлежать ему, когда Канни повесят за измену.

Эти безрассудные слова определили его судьбу, ибо мужчины сомкнулись над ним. Не было никакой великой дуэли или побоища, не принимал король обличья зверей. Не был он повержен ими в битве а затем повешен из-за своей магии. Нет. Было только мелькание мечей, вонзающихся в распростертого на земле человека, и прежде чем все было кончено, ни один клинок не остался чист и честен.

Единственный, кто видел происшедшее, кто знал правду той минуты, был менестрель, прильнувший к стволу вишневого дерева над их головами, и его мутило от увиденной бойни, предательства и собственной беспомощности.

Поют ли фальшивые менестрели о том, как Лорд Канни и его сообщники разрубили короля на части и сожгли их над водой, чтобы не дать душе вновь вселиться в тело? Все ложь. Они рубили его на куски, поднимая и опуская свои клинки, словно тесаки мясников, потому что желали скрыть, сколько жестоких ран было нанесено, причем немало из них — в спину. Кровь брызгала во все стороны, окропив даже нижние ветви вишни, а над всем этим кружил ворон, без умолку каркая от горя.

И тело его они не сожгли. По крайней мере, не на глазах у ошеломленного Рэдбёрда. Лорд Канни велел, чтобы каждый завернул в плащ часть разрубленного тела и отнес прочь, пока они не придумают, как рассказать обо всем. И когда все части Короля Чарджера были собраны, сам Канни в своем плаще унес голову, все еще с короной на ней. Юного Лорда Лока из Беарнса они оставили лежать под деревом. Лорд Кёрл вытащил из ножен королевский поясной нож и воткнул его в спину юноши, как будто такое короткое лезвие могло тягаться с мечом Кёрла, почти до конца разрубившим шею.

А теперь повествование вновь возвращается к Рэдбёрду, который просил меня засвидетельствовать его признание в собственной трусости, но также и искренности. Истерзанный душевными страданиями и трепеща от ужаса, он чувствовал, что ему ни за что не ослабить собственную хватку за ветви дерева и даже не сдвинуться любым другим способом. Он оставался на дереве на протяжении всего этого дня и ночи вплоть до следующего утра. Только ворон

составил ему компанию, да птица, прилетевшая и усевшаяся на ветку рядом с ним и уставившаяся на него одним глазом, и, как он сказал, только они одни и могли увидеть, что произошло в действительности. Тем не менее, менестрель Рэдбёрд был оглушен тишиной. Кухонная работница появилась ранним утром с корзинкой в руках, и когда она увидела тело молодого Лорда Лока, она с воплями убежала. Но, не смотря ни на что, Рэдбёрд даже не пошевелился.

Даже когда появился человек, который осмотрел тело и закричал, обнаружив в его спине нож короля, и после, когда унесли тело молодого Лорда Лока, Рэдбёрд не окликнул их и не спустился. Даже когда он услышал, как они громко обсуждают, какая, должно быть, мучительная смерть постигла мальчика, получившего удар в спину ножом короля с рукояткой в виде головы оленя, и покоившегося в грязи, будто он был паразитом, Рэдбёрд молчал. На протяжении всего этого времени приходили и уходили люди, разговаривали и делились и сплетничали о том, что им было неизвестно, на его глазах они соткали рассказ о крови на земле и кинжале в спине мальчишки. И ни один из них так и не поднял голову, чтобы заметить раненного менестреля и ворона на дереве.

Возможно, он так и остался бы на дереве до самой смерти, если бы наконец не упал с ветвей на пропитанную кровью землю, будучи уставшим, голодным и да, до смерти напуганным. Там его и обнаружил помощник повара, забредшего в столь поздний час в сад, чтобы собрать травы, и именно он позвал за целителями. Они подняли его и отнесли в замок. Никто не мог определить, что именно его беспокоило, так как ужас произошедшего связал его язык и заставил глаза практически вылезти из орбит. Они признали в нем королевского менестреля и подумали, что он вернулся туда, чтобы осмотреть место злодеяния. Некоторые полагали, что он заразился, так как дружил с Чарджером. Они вымыли его, накормили и были заботливы, как того требовал долг любого целителя по отношению к раненому. Поэтому я не буду говорить о них плохо.

Уже к концу дня весть дошла до его матери, то есть до меня, мне было необходимо отправиться туда и позаботиться о своем сыне, о человеке, снова превратившегося в ребенка. И когда я прибыла туда, я нашла Рэдбёрда именно таким, как они мне и описали, с выпученными глазами и онемевшего. А за окном, у кровати, на дереве сидел ворон и наблюдал за нами. Целитель Ненси заметила, что ворон следовал за ними, пока они переносили его из сада в

кровать, и, поскольку она была женщиной правдивой, я считаю, это должно быть записано здесь.

Я забрала своего сына в свои покои в замке. Покинутая всеми, я заставила его подняться, а затем идти вверх по лестницам, шаг за шагом. Никто не помогал мне, но никто и не мешал. Я приготовила ему настойку, давно известную в нашей семье, и он провалился в сон. Ночь, последующий день и еще половину ночи прошли прежде, чем он открыл глаза, но даже после этого, его души не было в теле. И во тьме ночи, когда я зашла в комнату и уселась на его кровать, освещенную одинокой свечой, его первыми словами оказалась просьба принести ему лучшие перо, чернила и пергамент, чтобы он смог все записать. И когда я все это принесла, он впервые рассказал мне полную историю о том, что произошло. Сидя в круге желтого света, я записывала, пока он рассказывал, каждое слово, дословно, чтобы быть уверенной, что правда не будет утеряна.

Поскольку никто не видел Рэдбёрда в саду, ни один из предателей, убивших короля, никто из них не знал, что существовал свидетель их злодеяния. Рэдбёрд лежал в моей комнате, больной, его тело словно было парализовано тем потрясением, которые испытали его разум и сердце. Новости, которые я приносила ему каждый день, огорчали нас: сначала Баккип, а затем и все Шесть Герцогств будто бы сошли с ума. Король пропал, распространялись сплетни о том, что он убил молодого Лока, а затем бежал от свершенного злодеяния. В отсутствии на троне человека, который должен сохранять порядок и ратовать за мир, а также обдуманное правосудие, ненависть вспыхнула и распространилась подобно летнему пожару.

Многое изменилось в последующие десять дней. Я вернулась к своим повседневным делам как можно скорее, но Рэдбёрд продолжал идти на поправку в моей комнате. Дверь в мои покои всегда была закрыта. Во время трапез с другими слугами я получала все необходимые сплетни и слухи, и все они были ужасными. Я едва осмеливалась выглядывать в окно во двор: я боялось того, чему могла стать свидетельницей. Все пегие лошади в Баккипе и все пятнистые собаки в конюшнях были преданы мечу. Тех, кто осмелился осуждать произошедшее, признали как обладающих Уитом, вкусивших злую магию короля. Многие аристократы Пестрого двора были избиты или просто исчезли. Все, кто могли бежать, бежали. Обладать Уитом стало признаком зла и животной природы, а также низости и лживости.

К концу месяца, целая толпа мужчин и женщин были повешены за то, что обладали Уитом. Тогда же зародилась традиция четвертовать тела, и после сжигать останки над водой, повсеместно распространялись и истории о том, что обладатели Уита могли превращаться в животных, или прятать собственные души в телах своих партнеров, а после воскрешать себя из мертвых. На тот момент все это было в новинку, и мне казалось, я понимала, каким образом разрасталась эта идея. Обладать Уитом считалось позорно, и дети, в семье которых был хотя бы один родитель, обладающий Уитом, подвергались не меньшей опасности чем те, кто был заклеймен как имеющий Уит, в особенности страдали те, кто гордился своими навыками в работе с исцелением животных, а также пастухи и конюхи. Все, не только реальные обладатели Уитом, жили в страхе быть обвиненными в использовании Звериной Магии. Многие аристократы, а также торговцы и купцы бежали из Баккипа, они покидали герцогство Бакк, оставляя свои дома, а также судьбы и имена. Это было время кровавой резни, такой, какую Бакк никогда не знал.

Герцог Бакка, Стретеджи Видящий, брат покойного Вирэла и отец Лорда Канни, пытался усмирить волну, ударившую в престол, но он был стар и не в лучшем здравии. Он подтвердил, что являлся законным наследником короны, но он счел неприемлемым для себя занять корону, пока король, которому он присягнул, оставался жив. Остальные герцоги и герцогини в его королевстве не были достаточно высокородными. За всем тем злом, которое обрушилось на Шесть Герцогств за последние годы, стоял Пегий принц и те обладатели Уита, которых он привел к власти. Они говорили о его отсутствии как о благословении, и впервые за многие годы даже младшая знать в открытую делилась сплетнями о том, что династия Видящих запачкала себя кровью калсидийского раба, который был звериным колдуном. То было время, как говорили они, когда венец должен был перейти к истиной чистой линии, к тому, кто смог бы поднять Видящих с тех глубин, куда они опустились. Они призывали Канни выступить вперед и взять корону, от которой отказался его отец.

Им было известно, что Король Чарджер мертв. Возможно, мой Рэдбёрд и не пел об этом, но я видела это в их жестоких глазах. Они совершенно не боялись, что король сможет заявить свои права на престол. Именно тогда, я думаю, они попытались сочинить ложь,

объясняющую, почему не было найдено тело. Их трусливое убийство Чарджера выглядело иначе под воздействием лживых аристократов и менестрелей, которые заботились только о благосклонности вышестоящих, а уж никак не об истине. Но, чтобы быть правдивой по отношению к Рэдбёрду, я запишу здесь, ведь правда в том, что у меня не было доказательств тому, что им было что-либо известно, они спасали жизни тех, кто присутствовал при убийстве.

Итак. Мой Пегий принц был мертв. Я в одиночестве оплакивала ребенка, которого прижимала к груди, мальчика, который не забыл меня, когда перестал нуждаться во мне, принца, который наделил моего бастарда полномочиями певца истины, мужчину, который всегда улыбался при встрече со мной. Я оплакивала его одна, я не смела говорить о величине горя, постигшего меня. Рэдбёрд тонул в глубоком горе, я боялась, что, если я еще добавлю свое бремя, он утонет в нем и умрет. Он был всем для меня в этом мире, единственным, кто смотрел на меня с любовью. И таким образом, без всякой веры, я разговаривала с ним о лучших днях и надеждах на будущее, которое ни один из нас не мог даже вообразить. Без защиты Короля Чарджера на что мы могли надеяться, С Уитом или без него? Когда я покидала комнату, я делала это ранним утром или поздним вечером, брала необходимое из того, что оставалось на кухне, я уже не претендовала на место за столом среди слуг, стараясь быть незаметной.

Все эти перемены в замке Баккип произошли менее чем за тридцать дней, и до сих пор не было никаких доказательств смерти короля. И все это время, в моей комнате, Рэдбёрд сжимался калачиком и рыдал. Он был слишком потерян в своем горе, даже для того чтобы остричь волосы, а он должен был это сделать для своего короля. Он менял свою одежду, только когда я требовала, и умывался, только когда я ставила перед ним чашу и полотенце. Он мало ел, клевал из тарелок, так что суп вскоре становился холодным, а хлеб превращался в черствую корку. Мой сын похудел и был угрюм, я видела, что он ненавидит себя, потому что он был певцом истины, а не воином. Он отравлял себя отвращением к себе, а я была не в силах остановить его.

В то же время, Канни переманил Леди Виффен на свою сторону и в собственную постель. Каким бы ни был раскол между ними, казалось, все осталось в прошлом. Ее рука лежала на его запястье, когда они входили в зал для пиршеств, она ехала рядом, когда он

выезжал на охоту. И потом, спустя два месяца после их свадьбы, появились признаки беременности, свита Канни радовались и подстрекала Канни Видящего как можно скорее взойти на престол. Они хотели короновать "незапятнанного" Видящего.

К тому времени появились слухи о том, что Короля Чарджеда нет в живых. Не было доказательств тому, и пока люди кивали и холодно улыбались, когда звучало его имя, часто добавляя проклятье. Медленно история начала просачиваться в умы и на языки слугам. Лорд Канни Видящий спас Шесть Герцогств. Скоро настанет время, когда будет рассказана полная история.

Канни Видящий выбрал Харвеста Феста для церемонии восхождения на престол. Что бы ни думал об этом его отец, он принял решение самостоятельно, в то время как остальные герцоги легко согласились с его требованиями. Люди Уита, как большими группами, так и поодиночке, были высланы из Баккипа. Весь Баккип, город и замок, был очищен от скверны Уита. Несмотря на неудачную весну, урожай обещал быть изобильным, и все это тоже связывали с Канни Видящим, как если бы это было во власти обычного человека. Но толпу легко убедить в таких вещах. Сильный и красивый и молодой Видящий, готовый взойти на престол, и его будущая королева, вынашивающая наследника. В воздухе ощущалась атмосфера благополучия, несмотря на застарелый запах крови, пролитой на земле. Люди устали от той дикости, которой стали свидетелями, и были более чем готовы признать, что все решится с восхождением Канни на престол.

В моих покоях, Рэдбёрд окончательно пришел в себя. Он провел много дней в мрачных раздумьях и тишине, коря себя за трусость. Только мне он рассказал о том, чему стал свидетелем.

День коронации Канни Видящего приближался, Рэдбёрд по-прежнему оставался в постели, а ворон до сих пор находился за моим окном. Канни объявил двору, что они, наконец, очистились и избавились от звериной магии и теперь, когда дело было сделано, он был готов стать королем очищенного королевства. И только когда я передала это Рэдбёрду, он засуетился.

— Принеси мою арфу, — были его первые слова, и затем: — Найди перо, мама, и приготовь лучшую бумагу, какую тебе удастся купить, я запишу песню для коронации Короля Канни.

Он говорил с весельем в голосе, намного веселее, чем за последние несколько недель и у меня упало сердце, когда я услышала его. Я испугалась, что он потерял рассудок.

Тем не менее, я все же, принесла ему чернила, перо и бумагу. Он аккуратно записывал слова и проговаривал себе вслух, а затем возвращался и пробовал подобрать аккорды, и снова думал над словами. Я приходила и уходила тихо, как мышь. Изолированный в моих покоях, Рэдбёрд работал над своей песней, в то время как ворон сидел на подоконнике и следил за ним.

Накануне коронации Короля Канни, песня была закончена. Я вернулась в свои покои и нашла Рэдбёрда скатывающим свиток, на котором были записаны слова. Он запечатал его воском и придавил прессом своей печати. Затем, вздохнув, он положил его рядом с другим запечатанным свитком на столе перед собой. Именно тогда он дал мне инструкции: он хотел, чтобы я скопировала его песню своими руками, и переписала своими словами все, что он сообщил мне.

— Затем ты должна спрятать мой рассказ там, где он будет в безопасности от тех, кто стремится уничтожить правду, туда, где мудрые люди смогут отыскать его десятилетиями или сотнями лет позже.

Мое сердце сковал лед от его слов.

— Для чего они должны быть записаны? Конечно же, ты исполнишь эту песню тысячу раз.

Он взглянул на меня, с грустью в глазах, его голова склонилась, а затем он сказал, и это была большая ложь из всех, что он произносил когда-либо.

— Наверное, я действительно должен, мама. Так и есть, — затем он похлопал меня по руке. — Но все же, я прошу тебя найти безопасное место для этих свитков, как я и просил. Я считаю, что я должен помнить эту песню, как никто другой.

Рэдбёрд не был приглашен выступать на коронации. Несомненно, многие полагали, что он мертв, либо бежал, за все это время, что он провел в комнате в замке, его никто не видел. Он был другом Пегого принца, а затем и певцом Короля, наделенного Уитом, и нам было отлично известно, что отныне к нему будут относиться с пренебрежением, если не с ненавистью. Сейчас мне стыдно в этом

признаться, но я должна сказать правду, как я обещала ему. Я думала, он отправится туда снискать благосклонность нового короля, что он исполнит песню в честь Короля Канни. Меня опечалило, что мой сын настолько сломлен, но он никогда не был храбрым ребенком, и учитывая, чему он стал свидетелем, я полагала, что он выбрал мудрый путь. Мы склоняем головы перед изменениями в наших судьбах, но мы должны как-то жить дальше.

Коронация должна была состояться в Большом Зале, и, как это было принято, все были рады стать свидетелями этого события. Он велел мне прийти рано, чтобы я смогла все увидеть. Тем не менее, я пошла смотреть не как Канни примет окровавленный венец, я отправилась смотреть, как мой сын исполнит песню и все у него наладится. И поэтому я выбрала место, которому мало кто позавидовал бы, так как находилось оно в верхней галерее в левом углу, откуда хорошо просматривался престол, оттуда я могла видеть помост менестрелей, куда их будут приглашать для выступления в честь нового короля.

Я стояла довольно долго, пришли другие, чтобы занять места вокруг меня после того как все лучшие места были заняты. Я вся горела и у меня разболелась голова и устали ноги задолго до того, как вошли высокородные лорды замка. И когда герцоги расселись по своим мягким позолоченным стульям и малая знать заняла свои места на скамейках и, наконец, все были устроены, музыканты заиграли торжественную мелодию и Лорд Канни Видящий и Леди Виффен вошли. Медленно они прошествовали до своих высоких мест, и хотя я удивилась отсутствию герцога Бакка, никто из стоящих рядом никак не прокомментировал это, и я решила промолчать.

Лорды по очереди брали слово и говорили, практически одно и то же, суть их речей сводился к одному: перед нами был Канни из Бакка, наследник короны и трона, как и его отец, брат Короля Вирэла и следующий в линии престолонаследования, отказавшийся от собственных притязаний. Слушая их речи, складывалось впечатление, что король Чарджер и Будущая королева Кайтин никогда не существовали. Слезы подступили к моим глазам и, очевидно, стоящие рядом со мной сочли, что перед ними сентиментальная дура, преисполненная патриотизма, заслушавшаяся их скучными речами, но на самом деле, меня сковало горе.

Затем Король Канни Видящий встал и принял присягу своих

герцогов и согласился принять королеву Шести Герцогств. Затем все пятеро герцогов, шествующих в медленной процессии, пронесли на синей подушке корону. И в этот момент вздох удивления и ропота любопытных поднялся над залом, словно корона исчезла. И хотя Канни Видящий сохранял важное выражение на лице, клянусь, я увидела промелькнувшую на мгновение улыбку на его лице, он наслаждался удивлением толпы. Затем он высоко поднял руки и развел их, призывая таким образом к тишине и пообещал, что отныне он будет открыт для всех них.

Коппер Сонгсмит поднялся и встал перед собравшимися герцогами и будущим королем. Пропасть лет находилась между нами, за все эти годы он не счел нужным признать собственного сына, хотя сходство было таким, что отрицать его не было смысла. Мы больше никогда не были вместе, после тех нескольких часов ночью. Тем не менее, он принял Рэдбёрда в свои ученики, как я и ожидала от него. Я была удивлена глубине собственных чувств, когда он взял свой инструмент и тонкая мелодия, а затем и его звучный голос под аккомпанемент умных пальцев, унизанных бирюзой и опалами, летящих по арфе, представили на всеобщее обозрение ложь, которая до этого момента не озвучивалась. Припев был энергичным и запоминающимся: четверостишие о том, как чистая кровь Видящих стучала у него в жилах, что Канни делал то, что считал необходимым, и убил Звериного мага, который хотел захватить трон Видящих.

Конечно же, это все было подстроено, но, тем не менее, должно было выглядеть как нечто спонтанное, поскольку Коппер Сонгсмит пел о том, как Канни одержал победу в своей схватке со злобным магом Уита, и о том, как он поднял корону из грязи и отер ее от грязной крови, а герцоги передавали корону из рук в руки, пока, наконец, герцог Бернса не водрузил ее на голову Канни Видящего.

И в этот момент раздался такой гул одобрения, что каждый присутствующий в зале вскочил с места. Люди кричали и их слова отражались от каменных стел: "Король Канни! Король Канни!", кричали они.

Так это и произошло. Корона была водружена на его чело под радостные восклицания. Его герцоги отошли и вернулись с короной для Леди Виффен и она стала королевой Виффен Видящей в ту же ночь. И в то время, пока все наблюдали за королевской парой, мои глаза искали сына, и в итоге я обнаружила его.

Я не обратила на него внимания, когда он вошел в Большой Зал, потому что он был облачен во все черное, а не в свою обыденную оранжевую одежду, глубокий капюшон скрывал его огненно-рыжие локоны. Мой взгляд не остановился на нем, и только когда я снова взглянула на него, я узнала собственного сына. Иногда стоит увидеть того, кого ты любишь со стороны, чтобы понять, как изменился этот человек. Болезнь и скорбь заставили впасть его щеки и глаза, он выглядел на десять лет старше своих лет. Я сомневаюсь, что даже его собственный король узнал бы его с первого взгляда, подозреваю, все думали, что он был убит или изгнан с другими приспешниками Пегого Принца. Так что он стоял, как старик, в углу, в то время как остальные менестрели выходили вперед и исполняли по одному песни о красоте королевы или храбрости короля.

Затем кто-то позвал за Коппером Сонгситом, чтобы он снова спел о том, как король убил Самозванца, наделенного Уитом. И Коппер вышел вперед и еще раз исполнил свою лживую песню, мастерски сплетенную настоящим гением. Еще раз все услышали, как король вызвал его и, пообещав развеять чары, он взял свою жену, и как они сражались с Чарджером, который постоянно менял свое обличие, появляясь в виде разных зверей, все страшнее и страшнее, пока, наконец, Канни не убил его, снеся голову медведю с его могучих плеч, уничтожив зло, и как звериный колдун упал на землю уже в облике человека.

Тишина сопровождала этот рассказ, отдельные возгласы сопровождали фрагмент, в котором Коппер пел о том, как король спас от позора корону Видящих. Тишина волной накрыла Большой Зал, и на этот раз Коппер заканчивал каждый куплет, рассказывая о том, как король призвал своих наиболее близких и надежных друзей помочь ему сделать то, что он должен был сделать, чтобы монстр вновь не возродился. Они расчленили его тело и сожгли над водой, и таким образом, страшный зверь — чудовище был побежден и сознание Леди Виффен очистилось от тумана, который нагнал на нее Уит.

Одинокая слеза скатилась по щеке Леди, и она склонила голову на плечо своего мужа. Я слышала, как многие с симпатией вздохнули, и я задалась вопросом, какому количеству лжи Виффен сама же и поверила. Затем мои глаза вернулись к моему сыну, и ужас сковал меня. Пока Коппер Сонгсмит допевал последние слова своей лживой песни, я увидела, как Рэдбёрд медленно выпрямился и в его глазах

вспыхнуло пламя.

Любой трус может испытать момент мужества. Это произошло с моим Рэдбёрдом. Ибо в середине вечера, когда сама королева возблагодарила Коппера, Рэдбёрд Певец Истины, пробился сквозь толпу и занял освободившееся место перед престолом лже-короля, который восседал на нем. Затем, перед всем двором, он просил позволить ему исполнить последнюю песню в качестве своего подарка, прежде чем он покинет двор Видящих навсегда. Король Канни вздернул брови, явно не понимая, кто такой смелый стоял перед ним. Сегодня я думаю, Канни полагал, что перед ним странствующий менестрель, надеющийся заработать несколько монеток при помощи лести.

Долго ждать не пришлось. Рэдбёрд установил перед собой арфу и взял первый аккорд. Сначала он просто играл мелодию, наблюдая, все ли присутствующие обратили на него внимание. И затем, громче и четче, чем когда-либо, он запел свою правду. Он пел о Короле Чарджере, который в одиночестве прогуливался в саду, о том, как пришел его менестрель, чтобы составить ему компанию, и как Король приказал Рэдбёрду спасаться бегством. Он рассказал о том, как взобрался на дерево, и, называя все имена, он пел о тех, кто окружил безоружного короля.

Лица присутствующих бледнели, Король продолжал смотреть на него, в то время как Королева выглядела такой скованной, будто она и вправду окаменела. Голос Рэдбёрда был сильным и ясным, но Король Канни не был похож на человека, желающего выслушать песню до конца. Не позднее, чем когда он запел о том, как нож Лорда Курла вошел в спину короля Чарджера и о том, что именно он убил молодого Лорда Лока, Король Канни закричал, что Певец — предатель. Дюжина мужчин, желая доказать свою верность, бросились на моего Рэдбёрда.

Он никогда не был крепким человеком, а долгое заточение сделали его только еще более хрупким. Огромный мужчина сильно его ударил, так что арфа впечаталась в его грудь. Споткнувшись, он полетел назад. Я слышала треск его черепа, когда голова ударилась о каменный пол. Он больше не двигался. Я закричала, снова и снова, но мой тоскливый крик смешался с воплями гнева и ужаса, которые поднялись вокруг меня. А потом помещение вокруг меня завертелось, и если бы крыша обрушилась на меня, я не была бы против. Но

образовавшаяся давка не позволила мне упасть, и хотя я была парализована ужасом от произошедшего с моим сыном, я должна была увидеть это, чтобы сохранить в своей памяти: охранники тащили безжизненное тело Рэдбёрда из Большого зала.

И затем, совершенно неожиданно, из угла в Большом зале вылетел ворон. Он парил над Большим залом, будто сбитый с толку темнотой и светом факелов. Затем он пролетел совсем низко, заставив собравшихся пригнуться, и в очередной раз облетев зал, сбил с головы короля Канни корону, которую он обманом водрузил себе на голову. Пока мужчины и женщины продолжали кричать, сбежавшись при виде произошедшего, он еще трижды облетел зал, не смолкая каркая. Королева закричала и спряталась за трон ложного короля. Меня сдавливали и слева и справа, толпа ринулась из зала. Король гневно закричал на лучника, но ворон уже исчез, тем же путем, что он и появился: пролетев над головами людей, он выпорхнул из Большого зала.

Какая-то паникующая девушка сильно меня толкнула, так что мои колени подкосились и я упала, она в панике наступила на меня. Избитая и наполовину растоптанная, я присела, сложив руки над головой, я дико плакала и кричала в своей скорби и гневе, которые заполнили мои уши. Когда я, наконец, пришла в себя, прошло уже достаточно времени, короля и герцогов уже не было, половина присутствующих также покинули зал. Я встала на ноги и, пошатываясь, вернулась к себе в комнату. Одна. Одинока, как никогда ранее.

Итак, рассказ Рэдбёрда закончен. Мне понадобилось собрать все свое мужество, чтобы отправиться к стражникам с просьбой отдать мне тело бывшего менестреля. Они резко ответили мне, что он был обвинен в использовании Уита, поэтому был повешен, четвертован и сожжен над водой, и мне нечего требовать у них. Некоторые из них откровенно насмехались надо мной, но один старик сохранил остатки совести, чтобы выглядеть пристыженным. Догнав меня, он шепотом сообщил, что менестрель был мертв, когда его вынесли из Зала.

Итак, теперь я должна обернуть этим свитком тот, что написал мой сын, как он меня и просил. Я сломала одну печать, так как хотела прочесть каждое слово в его последней песне, которую ему не позволили исполнить до конца, чтобы понять, догадался ли он о том, что теперь точно было известно мне. Он не знал, и, будучи певцом

истины, он бы не написал о том, во что не верил. Но я могу и сделаю. Таким образом, я закончу то, что начала, рассказав о событиях, частью которых Рэдбёрд так и не стал. И все же, я ручаюсь за истинную правду, сказанную здесь языком менестреля, и я оставлю свою правду наряду с его, правду, которую можно будет отыскать как через день, так и через десять лет.

За коронацией короля Канни пришли зимние шторма. Охота не задавалась, ледяной шторм, какой мы не видывали, сломал крыши на двух складах с зерном, впервые на памяти оставив людей без хлеба. В Замке Баккип двор значительно поредел в сравнении с предыдущими годами. Шторм удерживал людей внутри, долгие дни были наполнены скукой, суеверные начали видеть дурные предзнаменования в каждой разбитой чашке или рассыпанной у камина золе. Королева падала в обмороки и дважды люди опасались, что она потеряла ребенка. Шторм, который длился три дня, накрыл город Баккип, так что пирсы в доках были снесены волнами, два судна затонули, несмотря на то, что находились в безопасной гавани. Как только пришло потепление, болезнь прокатилась по конюшням и многие коровы потеряли так и не родившихся телят с кровью и нескончаемым мычанием. Я бы списала неудачу в охоте на тех дураков, которые убили лучших собак за мнимые преступления, в которых они, якобы, были замечены, и на тех, что прогнали народ Уита, которые трудился в конюшнях Баккипа, на полях и в амбарах. Вместо этого многие видели следы проклятия, которое наложили на замок обладающие Уитом, на территории всех Шести Герцогств преследования их только ужесточились.

Тем не менее, зимы рано или поздно заканчиваются, даже те, что наполнены горем и несправедливостью. Пришла весна, а с ней и более благодушная погода. Оттепель рано подтопила снег, рано зацвели крокусы. Королева уже не была такой бледной и болезненной, она с аппетитом ела, ее живот с наследником внутри значительно подрос. Фермеры засеивали поля, и когда пришло время собирать урожай, Королева Виффен родила мальчика, крепкого и резвого. Его рождение отмечалось с гораздо большей помпой, чем того требовал его титул, тогда всем казалось, что это поворотный пункт и конец всех злосчастий. Наследник обезопасил трон и династию Видящих. Теперь все должно было стать хорошо.

И когда принцу исполнилось два года, я стояла среди остальных на церемонии запечатления его имени, как того требовали традиции.

Коредж Смелый — такое имя ему было присвоено, и его отец пронес его сквозь пламя и окропил его голову и грудь землей, а затем хорошенько окунул в воду. Все увидели хорошее предзнаменование, когда мальчик чихнул, а затем громко рассмеялся в первый раз в своей жизни.

Этот смех распространился на всех свидетелей, и когда мальчика подняли высоко вверх, я к ним присоединилась. Так как когда король Канни поднял голенького принца, чтобы все могли увидеть его, я увидела, что он и вправду был истинным наследником короны. Ибо на тыльной стороне левой руки ребенка я увидела то, что видела на руке его отца: небольшую родинку в форме темной птицы с распростертыми крыльями.

Итак, я пишу об этом здесь, искренне и честно, как этого пожелал мой сын Рэдбёрд, истину о родословной принца. Принц Коредж Видящий, долгих лет ему правления и процветания, является истинным сыном законного короля, Короля Чарджера Видящего, сына Будущей королевы Каушен Видящей, дочери Короля Вирэла и Королевы Кейпбл Видящей. И внук Лостлера из Калсиды, мастера конюшен и обладателя Уитом.